

НАТАЛИЯ ЗЯБКОВА

СУМЕРЕЧНАЯ ГОСПОЖА
ЗАКЛЯТОЕ НАСЛЕДСТВО

Наталия Зябкова
Заклятое наследство

«Автор»

2026

Зябкова Н.

Заклятое наследство / Н. Зябкова — «Автор», 2026

Ада, неожиданно получает в наследство старый дом в живописном пригороде. Девушка очень рада – ведь теперь её жизнь изменится! Однако, все происходит не совсем так, как мечталось. Вместе с домом ей достаётся клубок проблем – на него претендует сын очень богатого предпринимателя с эстонскими корнями, Сандер Тамм, желающий во что бы то ни стало его забрать. Его рыжеволосый друг-юрист Леонид Королёв помогает ему в этом

Однако, похоже сам дом на стороне новой владелицы! Но почему парни кажутся такими знакомыми? И чей голос нашептывает в темноте невероятные истории под аккомпанемент флейты?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталия Зябкова

Заклятое наследство

Сумеречная госпожа. Заклятое наследство

(2 часть цикла Страна Вечного Лета)

Роман

«В заросшем парке
Стоит старинный дом:
Забиты окна,
И мрак царит извечно в нем.

Сказать я пытался:
«Чудовищ нет на Земле».
Но тут же раздался
Ужасный голос во мгле.
Голос во мгле...»
«Король и Шут»

Пролог

Сколько себя помню, этот заунывный звук в ночи будоражит зовёт куда-то... Сердце бьётся в такт странной мелодии: кажется, будто она не свойственна этому миру, и одновременно самая естественная вещь на свете. Музыка, которую слышу только я.

– Милая! – шепот.

Какой глупец сказал, что если шептать, то сложнее разобрать, кто говорит? Этот голос преследует во снах – иногда кричит, но чаще шепчет, как сейчас:

– Милая! Ты моё счастье и моё проклятье! Дай мне свои губки...

Я смогу узнать его, даже в хоре из тысячи голосов. Он приказывает – никак нельзя ослушаться, как бы ни хотелось! Его губы, такие знакомые, многократно целовавшие – то нежно, то с обжигающей страстью, лаская, требуя, причиняя боль...

Обычно на этом месте я просыпаюсь – но не сейчас.

– Милая! Я всегда думаю о тебе... – теплое дыхание щекочет щеку. – Какое-то безумие! С кем бы я ни был, ты всегда рядом, в моей голове... Каждый удар сердца утверждает: Адди! Адди! Я сумасшедший? Посмотри на меня!

Я честно пытаюсь, но никак не могу открыть глаз. Спасительная темнота поглощает видения, голос, прикосновения... Знаю, говорящий очень красив, нечеловечески...

– Адди! – шепот тает в первых рассветных лучах солнца. В последний раз обласкав меня, оставляет в груди щемящую тоску, грусть и почему-то боль, смешанную со страхом.

Мама говорила, я в детстве часто разговаривала с кем-то невидимым, иногда смеялась. Поначалу она очень переживала из-за этого, но её заверили, что ее дочь просто впечатлительная натура и с возрастом это пройдет. Так и случилось – точнее, я научилась скрывать – зачем привлекать внимание? Родители успокоились, окружающие не смотрят косо, не крутят у виска... Что ещё нужно?

Мой невидимый друг – это он играет по ночам на флейте странные мелодии и рассказывает невероятные истории, которые легко принять за сказки... Однако, это правда! Я точно знаю. От первого до последнего слова. Откуда? Просто знаю и всё.

Он иногда говорит о мирах, которые висят в паутине мироздания, как гроздь винограда, или рассеяны, словно песчинки по пляжу – с виду похожие, но каждая таит в себе множество невероятных открытий. Некоторые из них пересекаются, иные настолько чужды друг другу, что их жители даже не разглядят друг друга, если им доведётся встретиться лицом к лицу...

Мой друг умеет ходить из мира в мир, а ещё... создавать их музыкой своей флейты – именно её я слышу, когда приходят ночные видения. Потрясающий словно застывшая камне музыка, очень старый замок посреди леса. Сверкающие незнакомыми созвездиями небеса, настолько прекрасные, что хочется просто стоять и молча смотреть на них, забывая обо всём на свете. Безмятежно спокойные светло-голубые, будто у хаски, глаза... На самом дне зрачков словно выточенных из двух льдинок, добытых из сердцевины древнего айсберга, затерянного в далёкой Арктике, таится жаркое, всепоглощающее пламя...

Глава 1

– Ура! Ура! Вставать пора! – ненавижу, когда меня будят этой дурацкой считалкой! – Соня! Вставай! Петушок давно пропел!

– Не петушок, а будильник! – сейчас хочется одного – поглубже закопаться в одеяло, да ещё и прикрыться сверху подушкой. Не поможет, конечно. От мамы так просто не отделаешься.

– Вставай! – одеяло бесцеремонно срывают и отбрасывают. Нет, не холодно, но уж очень неуютно: получается, у меня как у страуса голова в песке, то есть в подушках, а тело на всеобщем обозрении. – Твой Антон Андреич опять премии лишит за опоздания! И так зарплата с Гулькин нос, а так вообще будет мизер!

– Да пошёл он! И вообще, этот козёл не мой! – ворчу. А что ещё делать? Не объяснишь же маме, что Антон Андреевич лишает меня премии вовсе не за опоздания, а за отказ стать его любовницей.

В нашем маленьком приморском городке работы не так много. Меня отец устроил «по благу» секретарем к директору местной гостиницы. Когда работал главным врачом в санатории, у него было много таких «друзей»: каждый с улыбкой и подарками заходил в кабинет, чтобы получить место, или получше устроить своих родственников-знакомых. Но время неумолимо – сейчас отец на пенсии, а бывшие «друзья», ради которых он разбивался в лепешку, либо делают вид, что не знакомы, либо здороваются сквозь зубы.

После школы у меня не получилось поступить в медучилище в нашем городе, а другие варианты не рассматривались. Институт – это же надо ехать в другой город! Такой вариант отпадал сразу. Художественное училище? Не смейте нас, ты же не умеешь рисовать как Шишкин! Бесплезно говорить, что туда тоже поступают отнюдь не Рафаэли и не Дюреры. У родителей свое видение, где должна учиться девочка. «Богема!» – из уст мамы, это слово звучит почти как «мафия»! Или того хуже – «проституция».

А то место, куда меня устроили – лучше! Не забуду, как отец пришел и с радостью сообщим мне:

– Вот, никчемная! Нашел тебе работу! Мой друг, директор гостиницы, готов взять тебя на место секретаря-помощника. Только он сказал, сначала нужно на тебя посмотреть, собеседование пройти! Уж оденься поприличнее, платье своё выходное, а не джинсы эти ужасные, в дырках которые. Ты же не дурочка у нас, хоть и экзамены самые простые завалила – не могла русский с биологией на пятерки сдать! Была бы уже медсестрой, а так...

– Вымахала, дылда! – бабушка тоже появилась на голос сына. – Красавица! Да с той красоты воды не пить! Никчёмная и есть! Не опозорь нас перед людьми! Уж постарайся выполнять всё, что скажут!

Да, уж. Если выполнять всё, что скажет Антон Андреевич, то и получилось бы то самое, что похуже богемы.

Почему-то бабушка невзлюбила меня ещё с раннего детства. Брата она обожала, а вот я для неё всегда была драмата. «У, драмата! Зенки зелёные, тёмные патлы!» – шипела она, если, по её мнению, у меня что-то не получалось. И только лет в восемнадцать я узнала, что Драмата – мамина девичья фамилия. До того момента, это было одно из ругательных слов...

Собеседование прошло... неприятно. Антон Андреевич, невысокий лысоватый мужчина лет сорока пяти, смерил меня оценивающим взглядом и спросил:

– Печатать умеешь? В текстовом редакторе сможешь работать?

Странный вопрос! Кто ж в наше время не умеет! Я кивнула. Отец с досадой подтолкнул меня – отвечай!

– Умею. Ворд, Эксел, 1с бухгалтерия...

– Ворда будет достаточно, – остановил меня директор. Объёмную шею явно давил воротничок белой рубашки под дорогим, цвета кофе с молоком пиджаком. – Таблицы составлять умеешь?

– Умею, – ответила я, не желая заработать ещё один неприятный тычок под рёбра от отца.

– А надстрочные и подстрочные знаки проставлять?

Что за глупые вопросы?

– Я смогу набрать текст любой сложности, – не стоило произносить этих слов. Ну, все крепки задним умом.

Через две недели, минувшие с того достопамятного собеседования, в конце рабочего дня, липучие руки Антона Андреевича пытались забраться мне под юбку. Вот тогда, вылетая из кабинета, будто ядро из пушки, поняла это очень отчётливо. Вслед неслись невнятные угрозы устроить мне «веселую» жизнь».

И без его угроз мне жилось «весело», поэтому захотелось немедленно уволиться. Осознавать, что придётся каждый день видеться с этим человеком, приносить ему документы на подпись, заваривать кофе... Даже думать не хотелось. Но, чтобы семья понимала мотивацию такого поступка, решила рассказать о приставаниях отцу. На самом деле ожидала всякого – от возмущения, до ругани, но получила обескураживающий ответ:

– Я тебе не верю.

Отец спокойно смотрел на меня, без улыбки, или злости... Просто без выражения.

– Ты думаешь, я вру? – наверно в моём голосе звучал лёгкий шок, однако это ничего не изменило.

– Нет, – он продолжал смотреть на меня. За серыми зрачками чудилась пустота... настоящая бездна, в которую провалились и растворились без остатка глупые надежды на помощь и защиту. – Но я тебе не верю.

В тот момент внутри что-то умерло. Пришло отчётливое понимание: никто не станет меня отстаивать, а значит, придётся делать это самой. Мама на заявление, о желании уволиться, отреагировала бурно:

– Как тебе не стыдно! Отец поднял знакомства, чтобы устроить тебя на такое место! Нашлась фифа – в супермаркете ей тяжело, санитаркой – не хочу! Работай! У нас не так много денег, кормить тебя и одевать! Взрослая уже!

После такой отповеди рассказывать о приставаниях директора отпало всякое желание. Пришлось скрепя сердце сносить глупые придирки, заваливание «левой» работой, лишение премий под надуманными предлогами.

В рабочих днях, мне нравилось только их начало и конец. Утреннее путешествие по узким улочкам, где за деревьями просвечивало море, пение птиц, пока солнце ещё не поднялось высоко. Дышишь полной грудью и веришь вопреки действительности, что за углом тебя ждёт настоящее чудо! Отработав, по тем же улочкам возвращаешься домой, с радостью осознавая: ещё один офисный день закончился, и я его выдержала! Вечер с книгой – что может быть лучше?

Сейчас день только начинался. Получив заряд бодрости от дороги на работу, я поставила чайник и начала поливать цветы – ежеутренний ритуал. Кадровичка Галя, заглянула, и покрутила в воздухе пачкой печенья – зови, мол, как закипит. Да, у нас так обычно – с меня кофе, с неё что-нибудь к нему. Директора на месте ещё не было – он подъезжал не раньше десяти, так что у нас оставался целый час спокойной жизни.

В кабинете директора стояли старинные напольные часы, оглашавшие округу истошным механическим звоном. Стоило им отбить ровно десять раз, как шеф открыл дверь секретарской и прошествовал мимо, с видом самого ответственного работника на Земле.

– Ада, зайти! – походя бросил он, прежде чем скрыться за дубовой дверью кабинета.

Галя скривила забавную гримасу, и помахала рукой: «Иди скорее, а то хуже будет!» Еле передвигая ноги, я вошла в ненавистное помещение.

– Сегодня в офис должны приехать партнёры. Пойди и купи конфет или чего-нибудь к чаю! – не глядя на меня произнёс директор, перебирая бумаги на столе. Не слыша реакции, поднял на меня взгляд своих мутных серых глаз и гаркнул: – Живо!

Меня вымело из кабинета. Не выношу, когда кричат! Не просто так не хотелось утром вылезать из постели. В последнее время приставания прекратились, но мучитель изобрёл новое развлечение.

Чтобы избежать дальнейших воплей, я быстро собралась, но тут же тяжело вздохнула: придётся снова идти к шефу в кабинет – не за свои же нищенские финансы угощать его посетителей!

– Антон Андреевич! – до чего же самой противно от этого блеющего тона! – Денег мне дайте! За что конфеты покупать?

– Тебе только деньги давай! А работать кто будет? – зарычал шеф, как разозлённый бульдог и кинул на стол перед собой пятисотку. – На, и кофе купи! А то у тебя и его днём с огнём не допросишься!

Да уж. На такие деньги не особо разгуляешься! Ну, сколько дал, столько и получит!

Молча забрала купюру и отправилась в ближайший продуктовый магазинчик – офис находился в центре, до супермаркета далековато. Не люблю центральные магазины – цены выше, чем на окраине, а ассортимент в разы беднее. Рассудив, что пирожные или рулет в упаковке будет жирновато – тогда даже на стограммовую пачку кофе среднего качества не хватит, остановилась на самых банальных конфетах-батончиках.

У дверей гостиницы стоял шикарный черный автомобиль, украшенный большим слегка урезанным знаком всех пацифистов мира на решетке радиатора¹. На его капот вальяжно облокотился очень красивый мужчина. Длинные – до плеч – платиново-белые волосы легонько трепал ветер, а одна из светлых бровей вразлёт, с лёгким изломом ближе к вискам, чуть дернулась вверх. От взгляда светло-голубых глаз меня бросило в дрожь – настигло сильнейшее дежавю. Я ведь не встречала этого человека... Или?

Стильный деловой костюм очень ладно сидел на поджарой высокой фигуре – никак не меньше метра девяносто! Я сама не низкого роста – почти метр восемьдесят без сантиметра... Но на него с близкого расстояния непривычно смотрела бы снизу-вверх.

Мужчина окинул меня с ног до головы безразличным взглядом и со скукой отвернулся. Слегка уязвлённая, я прошествовала мимо – всё равно больше никак в офис не пройти. Лёгкое дуновение донесло божественный аромат дорогого парфюма. Осознавая – неприлично принюхиваться, я слегка замедлила шаг, чтобы чуть дольше насладиться запахом.

Ну люблю хорошие духи – ничего не поделаешь! Однажды из-за своего пристрастия в третьем классе пришлось весь урок в углу простоять. А дело было так.

У мамы-медсестры скопилось приличное количество разных духов – их дарили благодарные пациенты, получив положенные процедуры. В местном парфюмерном у неё работала подруга, которая предложила продавать их за небольшой процент. Маме хорошо, её подруге тоже... А мне – не очень! Уж очень любила маленькая Ада рассматривать причудливые флаконы и вдыхать пряные запахи. Вот и взяла с собой в школу особенно полюбившийся флакон – чтобы мама в магазин его не отдала.

Как водится, по незабвенному закону подлости, он потёк в кармане. Ученица не должна так сильно благоухать, решили одноклассницы, и немедленно пожаловались учительнице. Мария Сергеевна, обычно добрая, в тот день была необыкновенно раздражена и решила наказать меня по всей строгости. Дневник был исчеркан гневными красными предложениями с

¹ «Мерседес».

тремя восклицательными знаками, а я поставлена на весь урок в угол лицом, «в назидание» классу.

Пройти без происшествий мимо непрошибаемого красавца не получилось. Хлопнула дверца – из черного, сверкающего лаком предмета мечтаний многих автомобилистов, вылез второй красавец, только рыжеволосый, с аккуратным хвостиком на затылке, в не менее стильном костюме. В отличие от холодного блондина, лицо рыжеволосого, с которого можно было писать современного Аполлона, озаряла обаятельная улыбка. Задорно сверкнув синими глазами, он обратился ко мне:

– Добрый день! – странно, его чуть хрипловатый голос отдавался в груди непонятым звоном. – Скажите, это гостиница «Магнолия»?

– Добрый день! – я кивнула и указала на фасадную вывеску, с названием, выведенным полуметровыми розовато-белыми буквами.

– Да! – мужчина изогнул прямую медную бровь и неосознанным движением заправил за левое ухо выбившуюся прядку. В проколоте мочке блеснуло аккуратное золотое кольцо-серьга. Улыбка стала немного шире. – Подкат не получился. Вы случайно не тут работаете?

– Угадали, – ответила я. Грубить с порога нельзя – вдруг, это те самые партнёры, которых так ждёт Антон Андреевич!

– Очень рад! – блеснул идеальными ровными зубами рыжий. Блондин же уставился на него чуть не с неприязнью, слегка поджав бледные губы безукоризненной формы. – Вы не могли бы нас проводить к директору? Он ждёт.

– Это будет просто. Как раз иду в том направлении, – ответила я. Порой между вежливостью и бесцеремонностью грань очень тонка.

– Как нам повезло! – рыжий по-свойски хлопнул блондина по плечу и махнул рукой. – Сандер, пойдём! Эта прекрасная незнакомка проводит нас.

– Я не глухой! – процедил блондин. Низкий бархатный голос невероятно сочетался с его экзотичной холодной внешностью. – Клоун! – едва слышно пробормотал он, отлипая от лоснящегося бока машины.

– Ну, благодаря моим клоунадам ты получаешь почти всё, что захочешь! – весело ответил рыжий, предлагая мне руку. Я проигнорировала его жест, потянувшись к ручке двери. Тогда он быстрым движением хорошо тренированного спортсмена развернулся и придержал дверь, пропуская меня вперед. От неожиданности я замешкалась. Блондин, Сандер, проследовал мимо, презрительно бросив на ходу:

– Здесь не привыкли к простой галантности.

От его тона краска гнева поползла по щекам. Такой красивый и такой... Противный! Но пришлось прикусить язык – с этими богатеями шутки плохи. Проходя мимо рыжего, я вздрогнула – он неожиданно успокаивающе погладил меня по плечу. Бесшабашная улыбка исчезла, уступив место серьезному, удивительно цепкому взгляду.

А ведь он непрост – очень непрост!

– Мы не познакомились. Меня зовут Леонид Королёв – адвокат этого грубияна, – он кивнул в знак приветствия.

– Ада Кружалина, – вздохнула я. – Секретарь Антона Андреевича.

– Не думал, что директор «Магнолии» так демократичен! – с лёгким удивлением произнес Королёв. – Он отпускает вас в разгар рабочего дня на прогулку по магазинам?

– Нет, я ходила... по его поручению.

– А! – адвокат кивнул, будто всё понял. – Пойдёмте, а то Сандер не станет ждать под дверью.

Мы быстро поднялись на второй этаж. В секретарской было пусто, зато из-за двери слышались голоса.

– Прошу прощения! – рыжий адвокат ринулся к двери в кабинет. – Сейчас он там наговорит...

Он без стука прошел в кабинет.

– Меня не волнует ваше мнение! – расслышала я спокойный голос блондина, за короткое время пока дверь была открыта.

– Но Сандер Виллевиц... – в голосе шефа проскальзывали непривычные елейные нотки. Вот, оказывается, как он лебезит перед теми, кто выше его...

Адвокат плотно затворил за собой дверь – голоса превратились в неразборчивый бубнёж. Знаю, все секретари этим грешат, но я не любила подслушивать под дверь. Зря, наверное. Может, раз у них такой сложный разговор, им будет не до кофе? Очень уж не хотелось нести его на подносе, под перекрёстными взглядами троих агрессивно настроенных мужчин. Надежда не оправдалась. Не успела я положить рюкзак в шкаф, как дверь вновь отворилась, на пороге возник взмыленный Антон Андреевич.

– Ада, сделай нам кофе! И не забудь... что ты там купила? Печенье? Неси в общем!

– Хорошо, – покладисто ответила я. Как назло, мой чайник потёк – уже неделю как. Директор не спешил его заменить, или дать денег на новый, тем не менее, требуя кофе или чай не менее трёх раз в день. Подруга Галя неизменно выручала, но бегать каждый раз к ней, чтобы поставить чайник... Не очень удобно как-то.

– Пусть бы уже расходную накладную выписал для бухгалтерии, что ли, – сетовала кадровик. – Раз такой жадина! Или он ждёт, что тебе надоест и сама купишь?

Я только пожимала плечами в ответ. Не будешь же рассказывать всем и каждому о мести за отказ! Думаю, опытная Галя и так всё понимала, просто жалея меня не озвучивала своих догадок. Предыдущая секретарь у Антона Андреевича как сыр в масле каталась, получая премии больше кадровика и бухгалтера вместе взятых. О каком-то чайнике даже речи не шло.

– Галя, поставь пожалуйста воду! – постучалась я к подруге.

– Опять сахиб требует пред светлы очи? – скривилась та.

– Ой, там целых два ещё сахиба прибыло! Важные такие! Будут идти, я поскребусь тебе в двери – выгляни.

– Хорошо. Интересно, что за перцы? – деловито спросила Галя, наливая воду из баклажки.

– Шеф сказал, деловые партнёры.

– Нет у ЧП «Гарант» партнёров. Конкуренты, скорее всего, – пробурчала подруга. – Чего ты им купила? Конфеты хоть шоколадные?

– Нет, обычные батончики, – понурила я голову.

– Ну, ты даешь! – покачала она головой. – Надо было в коробке взять! Подумают, мы нищета, нас легко подмять можно. И лишимся мы с тобой работы из-за такой мелочи! Вот балда! Держи! Тут у меня... – она вытащила из сейфа шикарную коробку с чёрно-белым шоколадом в виде фигурок морских коньков и раковин.

– Ой, откуда? – удивилась я. – Неудобно как-то!

– Бери-бери! Не о тебе, о себе думаю! – Галя подтолкнула ко мне коробку. – А батончики свои давай сюда! Нужна же мне хоть какая-то компенсация за мою доброту!

Что и говорить – обмен неравноценный. Несколько минут, пока закипал чайник, я строила коварный план... как стащить конфету после того, как открою коробку. Ничего же страшного, если в одном гнездышке будет пусто? Однако так и не решилась – слишком стыдно стало перед Галей. Она же продолжала болтать, не замечая моих мук.

– Адка, ты знаешь, давно уже слухи ходят, что какой-то магнат хочет нашу гостиницу выкупить. А что? Место хорошее, в центре. Ремонта особого не нужно – так, по мелочи. Парковая зона в шаговой доступности... Не удивительно. Как ты говоришь, зовут этих типов?

– Ой! – я редко с первого раза запоминаю имена. Пришлось немного напрячься. – Шеф говорил Сандер как-то-там... А второй представился – Леонид Королёв его звать.

Галя схватила за щеку.

– Вот принесла нелёгкая! Точно, это же Сандер Тамм, сын Вилле Тамма – у него сеть отелей высшего класса по всей стране! Денег у них немеряно! Точно, отберут нашу «Магнолию» - глазом не успеем моргнуть! А Лео Королёв – известный адвокат. Он на семью Тамма работает несколько лет – настоящая акула. Попадешься ему – сожрёт с потрохами!

– А мне показался симпатичным! – не поверила я. – Так улыбается обаятельно! А глаза –синие-синие, как океанские волны! Никогда таких не видела!

Галя скептически смерила меня взглядом.

– Да, поморгает он своими красивыми глазками и окажемся мы на улице, вместе со всем персоналом. Свои работники у них имеются, прежние ни к чему!

– Странно на самом деле, – протянула я. – Зачем они к директору явились? Могли бы напрямую к владельцу...

– Ну ты, Адка, даёшь! Вроде секретарём работаешь, а ничегошеньки не знаешь! Владелец, точнее владелица, за границей живёт. Антон Андреевич тут всем заправляет, а ей только деньги с отчётами шлёт! Если этот Тамм хорошую цену предложит, она даже думать не станет! Ох, хоть бы у нашего директора ума хватило отбрыкаться! Всё, закипел чайник! Неси им кофе с моими конфетами – пусть лопают, авось подавятся!

На Галину напало воинственное настроение. В таких случаях лучше ей не перечить – во всех бедах крайней останешься. Чайник забрала в секретарскую: на далёкие расстояния тащить поднос с чашками до верху заполненными кофе? Нет, на такие акробатические трюки я не способна!

Сервиз у меня простенький – из дома принесла, как и черный лаковый поднос. Мама со вздохом «оторвала от сердца», справедливо рассудив, что дочь на новой работе не должна ударить в грязь лицом. Открытая коробка с конфетами прекрасно поместилась в центре, между чашками, угрожающе позвякивавшими при каждом шаге. Меня ждало самое настоящее испытание: держа перед собой поднос в одной руке, другой нажимать на ручку двери, при этом стараться ничего не расплескать.

С одной чашкой я уже хорошо справлялась, с двумя – похуже. Трёх ещё носить не приходилось. Всё когда-нибудь бывает в первый раз. Пока донесла поднос до двери, несколько раз успела обругать себя за то, что налила кофе почти до краёв. У двери я поняла: ни за что не удержу поднос на одной руке. Пришлось поставить его на холодильник, стоявший у входа и толкнуть дверь.

Трое мужчин немедленно уставились на меня – разговор явно был в самом разгаре. Мое появление прервало их на полуслове.

– Несу кофе! – на всякий случай объяснила я и вернулась за подносом, оставив дверь открытой.

Как и предполагала, все трое провожали меня взглядами, пока я тащила дурацкий поднос к столу. Изо всех сил стараясь, чтобы не дрожали руки, стала переставлять чашки на стол, туда же положила коробку с конфетами – пробовать их резко расхотелось. Полностью сосредоточившись на процессе, вздрогнула, когда передо мной неожиданно возникла рука с дорогими часами на запястье и сняла с подноса последнюю чашку.

– Разрешите вам помочь! – Леонид Королёв стоял рядом, но уже не улыбался.

– Спасибо! – сконфуженно пробормотала я.

Адвокат переставил чашку на стол и вновь улыбнулся:

– Это вам спасибо!

– Приятного кофе! – скороговоркой выпалила я и подхватив опустевший поднос, скрылась за дверью. Только оказавшись в секретарской, позволила себе перевести дух. Чтобы успо-

коиться, решила и себе заварить кофе, пока оставшийся кипяток в чайнике не остыл. Попивая горький черный напиток, в очередной раз посетовала, что не стащила из коробки конфету, и даже батончик не припрятала. Напряжение уходило.

И чего я так всполошилась? Из-за Гали, с её предположениями? Нет. Посетители директора – вот виновники нервозности. Не возможные последствия их визита, а само присутствие будоражило. Чувство было похоже на то, которое испытываешь перед экзаменами – внутреннее напряжение и что-то схожее со страхом.

Не успела я допить, как дверь открылась и мимо, едва взглянув на меня, быстро прошествовал Сандер Тамм.

– Благодарю вас, – Королёв остановился напротив меня – нас разделяла столешница.

– Пожалуйста!

– На самом деле, мы не любители кофе, поэтому не обижайтесь, что не притронулись к напитку.

Это прозвучало почти как извинение. Странно, не всё ли равно, что я подумаю? Выходит, нет!

– Я не знала... – стало противно от собственного беспомощного лепета.

– Да откуда же вам было знать? Кстати, зовите меня Лео – Леонид звучит почти как Брежнев. Хороший был деятель, только не все его понимали.

– Вы любитель истории? – всё-таки получилось съязвить. – А по отчеству как?

– Просто Лео. Да, при следующей встрече я угощаю. Кстати, если Сандер вздумает вам что-нибудь предложить – не соглашайтесь! У него экзотический вкус.

– Сомневаюсь, что мы ещё увидимся! Слишком уж разные у нас орбиты вращения, – честно ответила я. – Всего доброго!

– Ну... Я бы не стал так категорично утверждать! – казалось, если Лео сейчас испарится, то как у Чеширского кота, его улыбка ещё долго будет парить в воздухе. – А орбиты... Иногда даже самые далёкие миры соприкасаются. Кто знает, что будет завтра? Это вам! – он положил на стол передо мной красивый детально сработанный серебряный брелок в виде морского конька. – На память, как гарант следующей встречи!

Он так быстро вышел – я даже не успела вымолвить ни слова. Наверняка, чтобы не смогла отказаться от неожиданного подарка. При ближайшем рассмотрении, оказалось, эта вещица – настоящая драгоценность! Каждая чешуйка, закрученный хвост, тонкие плавники – сработаны ювелиром – мастером своего дела. Два синих страза Сваровски – даже думать боялась, что это камни – таинственно посверкивали, напоминая о местах обитания существа, послужившего прототипом для брелока. Насколько же богат этот человек, если дарит дорогую вещь случайной знакомой, которую впервые видит?

Не люблю навязанных подарков. Первым порывом было положить его в дальний угол ящика стола и забыть, но сделать этого не смогла – слишком уж красивым оказался брелок. Хотелось его рассматривать, вертеть в руках... Не удержалась, сняла ключи с колечка, на котором болталась потёртая розовая единорожка Пинки Пай и перевесила их к морскому коньку. Но ещё полюбоваться на него не вышло – открылась дверь, и Антон Андреевич громогласно провозгласил:

– Ада! Ты когда будешь чашки убирать? Посетители уже ушли!

Я поскорее сунула ключи в карман и сорвалась с места: если помедлить, не оберешься разных язвительных замечаний – в чём-чём, а в выражениях со мной директор не стеснялся. Одна пустая и две остывших нетронутых чашки с кофе на обширном директорском столе соседствовали с кипой документов на подпись, папкой с бухгалтерским отчётом и Бог ещё знает какими документами в беспорядке разложенными по столешнице. У Антона Андреевича была скверная привычка наводить хаос всюду, где он проводил больше десяти минут. Коробки

с шоколадными морскими обитателями я не заметила. В её поисках, даже заглянула под стол, предварительно составив посуду на поднос.

– Что-то потеряла? – ехидно спросил директор, наблюдавший за мной, стоя у окна, скрепив руки в позе самоутверждения.

– А конфеты? – глупо спросила я.

– Какие конфеты? – он просто стоял и издевательски улыбался. – Тебе сладкое вредно! Знаешь, в последнее время стал замечать – ты поправилась! Губку закатай!

Не желая больше давать ему повод для издёвок, я молча вышла с подносом в секретарскую и отправилась за перегородку, где находилась маленькая бытовка с раковиной и парой кухонных шкафов.

Вроде мелочь – подумаешь, прибрал дорогую коробку конфет отдав всего лишь пятисотку! Но успокоиться никак не получалось. Наверняка, посетители к ним даже не притронулись, как и к кофе. Эх, выходит Галя перехитрила саму себя и меня заодно.

Летний вечер был в самом разгаре. Уличные столики в кафе, пустовавшие пока солнце не склонилось к горизонту, теперь заполнились туристами и отдыхающими. Дневная жара уступала место ночной прохладе. Медленно, на мягких кошачьих лапках подкрадывалось моё любимое время суток – сумерки!

После сегодняшнего, во многом непростого дня, трястись в переполненной маршрутке было выше моих сил. Что ждало дома? Просмотр фильма или чтение книги, вечерний чай на балконе за неторопливой беседой с мамой – у нас привычка, делиться новостями и обсуждать, как прошел день. В общем, ничего интересного. Обыкновенный тихий домашний вечер.

С парнями у меня как-то не ладится – двадцать один уже, а даже нормально не встречалась ни с кем. Нонсенс! Вроде симпатичная, надеюсь, не зануда... Бабушка уже замучила чукотской поговоркой: «разборчивому жениху достается плешивая невеста». Да не хочу я встречаться с тем, кто не нравится, а подходящие обычно, не обращают на меня внимания... Как этот высокомерный Сандер сегодня. А Лео... Боюсь таких – слишком уж язык подвешен. Не успеешь оглянуться, а уже обобранная, беременная и брошенная. Это мама так говорит. Ну, Лео конкретно, с меня брать нечего, но и оказаться одинокой с рыжеволосым, пусть и самым красивым на свете ребёнком на руках, тоже не охота. Какой ему в таких как я интерес? Только один – разовый. Ну, может пару-разовый.

Как всегда, решила идти через центральную улицу. Витрины магазинов, «манили» пластиковыми фруктами. За громадными стёклами бутиков, манекены, разряженные по последней моде, застыли в нелепых позах. За нею начинался переулок, ведущий к частному сектору, вымощенный коварной брусчаткой – моя любимая часть пути. Дорожка пролегла между стен и заборов из-за которых приветливо помахивали ветками плодовые деревья... Чтобы ненароком не очутиться на земле и не расквасить нос, нужно стараться смотреть под ноги и не отвлекаться на просачивающееся из-за оград благоухание роз.

Не утерпев, остановилась у большого куста жасмина, источавшего медовый аромат: над ним роем кружили пчёлы. Это не помешало мне зарыться носом в один из четырехлистных белых цветков.

– Куда прёшь, громила! – запищал у самого уха тоненький голосок.

От неожиданности я отпрянула, налетела на мужчину лет пятидесяти, в синей футболке и льняных шортах до колен. Он тихо ругнулся себе под нос и недовольно произнёс:

– Осторожнее, девушка!

Я ошалело переводила взгляд с него на неожиданно разговорившийся куст, лепеча слабым голосом:

– Извините! Я случайно.

Он неодобрительно покачал головой и пошел вверх по дорожке, бросив на ходу:

– Перегрелась!

Может он прав? Не бывает, чтобы кусты разговаривали! Или бывает? Кто-то же играет мне колыбельные на флейте, когда лунный луч на мягких лапках просачивается сквозь неплотно задернутые шторы! Чудеса всё же случаются, например, в случае с кольцом, которое исчезло, когда мне было пятнадцать, а нашли его только через год! Мама обнаружила кольцо в туфле, когда собиралась в магазин. Мне тогда влетело – причем совершенно зря! Делать мне больше нечего, только кольца прятать на год, а потом в обувь подбрасывать! Тогда она так мне и не поверила.

Синяя футболка сбитого мною мужчины скрылась за углом, в округе больше никого не было видно. Собрав волю в кулак и затолкав иррациональный страх куда подальше, я вновь подошла к кусту и, чувствуя себя крайне глупо спросила в пустоту:

– Кто тут?

Ожидаемо никто не ответил. Решив, что мне действительно показалось, вновь потянулась носом к цветку...

– Да что ж ты, слониха под ноги не смотришь! Раздавишь за здорово живешь! – вновь запищал тот же голос.

Отпрянув я тут же стала разглядывать землю под ногами. Не найдя ничего, чуть сместила взгляд, ближе к корням жасмина и... Увиденное повергло в шок: под самым кустом, примостившись на гладком камне, сидел малюсенький человечек, одетый в костюм средневекового горожанина: льняная рубашка с широкими рукавами, поверх неё потёртая от частой носки кожаная безрукавка, непонятного цвета бриджи до середины икр тоненьких ног и черные сапоги. На чернильно-синей коже, выделялись ярко горящие янтарные глаза. Фиолетовая взлохмаченная шевелюра не скрывала больших, нервно подрагивающих рысьих ушей с кисточками на концах. Кончик пушистого хвоста в тон волос, мотался из стороны в сторону, точь-в-точь как у раздраженной кошки.

От удивления я заморгала... Конечно, померещилось! Под жасминовым кустом никого не было. Долго прогуливаться расхотелось. Я со всех ног припустила по дорожке – подальше от странного места. Радовало одно – сегодня пятница, а значит завтра на работу не нужно!

Мама освобождалась раньше меня – у процедурной медсестры в санатории рабочий день начинался в восемь и заканчивался в три часа дня. Она иногда брала суточные дежурства, но сегодня должна была оставаться дома.

– Мама, представляешь, кого я видела! – натолкнувшись на усталый взгляд, рассказывать о привидевшемся синем человечке расхотелось. Из-за этого сказала совсем не то, что собиралась. – К нам приходил Сандер Тамм!

Она кивнула без интереса.

– А Вандер Здесь не заявлялся?

– Нет, – удивилась я. – А кто это?

– Ну, ты уж совсем... – протянула мама. – Шуток не понимаешь. Кто такой этот твой Сандер Тамм?

– На самом деле к нам ещё заходил... Ну не к нам, конкретно к Антону Андреевичу, вместе с Сандером пришел ещё Лео Королёв.

– Ты так говоришь, будто я обязана их знать. Ну не знаю я! Просвети!

– Это крутой адвокат и владелец сети гостиниц!

– Понятно, – кивнула мама без интереса. – Симпатичные наверно?

– Да. Один рыжий, другой блондин.

– Ну, хорошо. На свидание пригласили?

Я помотала головой.

– Ну и Бог с ними, – заключила прагматичная мама. – А то сходила бы? Ладно, ладно! – махнула она рукой. – В твоём возрасте на самом деле естественнее бегать на свидания и пропадать вечерами, а не сидеть дома за книгами.

Она потянулась к шкафу, где лежали документы, взяла с полки, а потом протянула мне объемный конверт.

– Вот, сегодня принесли. Похоже, официальное что-то. Бабушка хотела открыть – знаешь, она любопытная, но я отняла. Ты попала в какую-то историю? Письмо-то от юриста!

Мне стало не по себе.

– Да куда я не попадала! Я ведь дома сижу почти всё время!

– Не знаю. Вскрывай и смотри, что там прислали.

В конверте оказалось письмо с угловым штампом нотариальной конторы. В нем сообщалось, что умер мой двоюродный дедушка, Викентьев Савелий Петрович. Так как наследников у него не осталось, то свой дом вместе с имуществом, находящийся в посёлке Чёрный Ручей, как и участок земли, на котором он стоит, Савелий Петрович завещает мне.

От такой новости, мама опустила на табурет, и философски заметила:

– Ну, должен же был и на твоей улице перевернуться грузовик с мороженым! А кроме шуток, не помню такого... Викентьев... Может отцовский родственник? И почему дом – именно тебе? Очень странно! Мог бы кому-то по старшинству оставить.

Сегодня столько всякого свалилось, что я сразу не смогла осознать масштабов произошедшего: у меня теперь есть дом! Свой, собственный дом! Вот теперь можно обустроить свою жизнь, как захочу! Не буду оглядываться на отца, уставшего на работе, на бабушку, которой необходим покой. Смогу наконец включать музыку, позвать друзей, да даже танцевать посреди ночи, если мне захочется!

– Ну всё, размечталась! – бабушка стояла в дверях. – Небось, как парней начнёшь водить? А как ты в Черном Ручье жить-то будешь? На работу опять же? Продавать его надо! Сколько стоит дом в том районе? В квартире пора ремонт делать, отец машину хотел, мне надо верхний мост поменять, а это недешево! Вот как раз и управимся!

– Точно! – поддержала мама. – Куда тебе дом? Мала ещё! Не справишься!

– Мне уже двадцать один год! – попыталась защищаться я, но они только замахали на меня руками. Неожиданная удача таяла, словно облако в жаркий день.

– Что тут за сыр-бор? – крикнул папа из гостиной. – Девочки, не ругайтесь!

– Адка наследство получила! – пронзительно крикнула ему бабушка. – Нахалка! Не хочет семье помогать! Куда ей дом целый? Продать надо и дело с концом!

Отец подошел к нам на кухню.

– Ну да, и деньги в банк положить – как выйдет Ада замуж, чтобы было за что квартиру купить. А пока пусть проценты копят, – он поправил очки и улыбнулся.

Пререкаться с сыном бабушка не стала, но надулась, капризно выпятив нижнюю губу.

– На самом деле спорить сейчас вообще не о чем. Я дядьку Савелия помню очень смутно. Вроде он где-то на северах обитал? – отец посмотрел на мать, та пожалала плечами. – Сначала надо на дом посмотреть – вдруг развалюха, которую никому не надо, – продолжал он. Бабушка всё-таки не утерпела и заголосила:

– Так хоть за участок денег выручить! И почему это ей на квартиру? Вон Витюша с Машенькой и Сережей в общежитии ютятся! Им сейчас нужно!

– Ну всё-таки дядя Савелий решил оставить дом Аде, в не Виктору. И вообще, в наследство только через полгода вступить получится – так по закону. Поэтому сейчас и говорить не о чем! – отрезал папа и ушел обратно к себе.

Бабушка засопела и тоже ушла в свою комнату, бросив напоследок неприязненный взгляд в мою сторону.

– Ладно, пошли отдыхать. Завтра нужно будет к юристу сходить – показать документ, проконсультроваться, – подытожила мама, вставая с табурета.

На душе скребли кошки. Как оказалось, на мое наследство сразу нашлись претенденты, которым, как обычно, нужнее. Ну что ж, у меня есть полгода.

В воскресенье ни одна контора, ожидаемо, не работала. Тихо ругнувшись про себя незлым тихим словом, я поняла, что придётся отпрашиваться с работы. Учитывая отношения с начальником, это было совсем нелегко. Выходной день прошёл быстро и бесплодно. Странно, на работе, когда выдаётся особенно неприятный день, время тянется, как резина, а часы медленно-медленно отсчитывают бесконечным минуты. Выходной же, наоборот, пролетает со свистом – только что было утро, ты еле-еле продираешь глаза, не успела обернуться, и уже вечер, а завтра снова, как выражается мама: «к станку».

Понедельник в офисе выдался удивительно тихим. Антон Андреевич не появился ни в девять, ни в десять, ни в одиннадцать часов. Я сидела как на иголках – обычно, когда он приезжал так поздно, невозможно было угадать в каком настроении окажется «его величество» на этот раз. Галя сказала коротко: «Забей». Последовать совету не получалось. Постоянно звонил телефон, какие-то люди требовали директора, я записывала номера, и обещала, что Антон Андреевич с ними свяжется, как только будет на месте.

Время перевалило за три, через два часа можно было смело собираться домой. Без десяти шесть – я уже собрала сумку и подошла к выходу, когда вновь зазвонил телефон.

– Добрый вечер! – в трубке раздался незнакомый мужской голос. Я поздоровалась в ответ, в ожидании следующей реплики с другой стороны провода. – Ариадна Владимировна Кружалина?

Почему-то душа ушла в пятки.

– Да, – я не узнала собственный голос.

– С вами говорит секретарь Вилле Тамма. С завтрашнего дня гостиница «Магнолия» переходит во владение упомянутого господина Тамма. Вам, как секретарю её бывшего распорядителя и директора, придётся оповестить всех работников о том, что они освобождены от занимаемых должностей. Вы, кстати, тоже. Расчёт получите на карту с одиннадцати до семнадцати часов. Хорошего вечера.

Не дожидаясь ответа, положили трубку. Мне казалось, мир свернулся в узкую сверкающую трубочку и развернулся обратно, но уже совсем другим. Нет, этого не может быть! Розыгрыш, не иначе!

– Ты идешь? – спросила Галя, застав меня уставившейся в пространство, с трубкой в руке. – Чего сидишь? Рабочий день окончен!

– Галя, мне кто-то позвонил и сказал... В общем, представились секретарём Вилле Тамма... Похоже, случилось то, чего ты и боялась. Нас всех увольняют.

За что люблю Галю, так это за непрошибаемый прагматизм и доверие исключительно документам, а не словам.

– Пусть идут в пень! – лаконично выразилась она. – Ещё меня звонком никто не увольнял. Антон Андреевич должен посмотреть в наши честные глаза и объявить каждому – только так и не иначе! С чего ты вообще решила, что над тобой не подшутили?

– Э-э-э... Такими вещами не шутят!

– Ошибаешься! Как раз шутят и ещё как! Может, это шеф решил тебя перед всеми окончательно душой выставить: представь, побежишь ты, всех оповестишь, выслушаешь кучу «фе», ушат грязи на себя примешь... А он потом такой придёт, весь из себя благодетель, и скажет: это дура-секретарша всё напутала! Пригрезилось ей с какого-то перепугу! Представляешь, как потом на тебя все будут смотреть?

Я очень живо представила эту картину, вполне вписывающуюся в манеру поведения Антона Андреевича и передёрнулась. Наблюдавшая за реакцией на свои слова кадровичка, кивнула и ухмыльнулась:

– Вижу, дошло!

– Ну не на столько же он гад! – покачала я головой. – Такое слишком даже для него.

– Пошли уже! Ничему тебя жизнь не учит. Завтра в любом случае поймём.

Больше не колеблясь, я закрыла кабинет, и мы отправились на остановку – сегодня идти пешком не хотелось.

На следующее утро меня ждало большое потрясение: у гостиницы стояла толпа персонала и голосившие о незаконном выселении постояльца, требовали компенсацию. Антона Андреевича, ожидаемо, нигде не было видно.

Горничная Ангелина, самая бойкая из всех, подскочила ко мне, обвиняюще уперла указательный палец мне в грудь и возопила:

– Как это называется? Почему какие-то непонятные люди в чёрном выгнали всех? Они не отвечают на вопросы, толкаются... Я пожалуюсь директору!

– Жалуйся, – ответила я. Руки похолодели и покрылись липким потом, как всегда, когда нервы брали верх над разумом.

– Ты ведь представитель офиса! – ко мне подскочила ночной администратор Зинаида Павловна. – А значит должна знать, что происходит.

– Мне вчера позвонили... Секретарь Вилле Тамма... Сказал, что гостиница продана и мы тут больше не работаем... – жалко лепетала я, остро ощущая свое одиночество в толпе разъяренных непонимающих людей.

– Это произвол! – загалдело сразу несколько голосов. – Без предупреждения! Так не делается! А когда мы получим расчетные?

– Я это так не оставлю! Буду обращаться в суд! – топал ногами управляющий по персоналу.

С лёгкой руки Ангелины, во мне увидели персону, на которую можно излить свой гнев и недовольство сложившейся ситуацией. Со всех сторон кинулись работники гостиницы, наперебой высказывая свои претензии. Хотелось присесть прямо на землю, закрыть глаза и зажать уши руками, но я стойко стояла, задрвав подбородок вверх, стараясь не слушать обвинений, которых не заслужила.

Помощь пришла, как говорят, откуда не ждали: из дверей «Магнолии» вышел высокий блондин в безупречном синем костюме и белой рубашке. Он обвёл блекло-голубыми глазами сгрудившуюся у входа толпу и громко сказал:

– Немедленно прекратить гвалт! Разойтись!

Этот голос при желании мог приказать выйти из окна десятого этажа, и у оппонента не возникло бы даже мысли ослушаться. Люди застыли в ступоре. Однако, оказалось, Ангелину не так-то просто смутить даже прямым приказом. Есть определенная порода непрошибаемых людей: они точно знают, чего хотят и готовы вырвать это даже зубами, если придётся. Вот к ним-то и принадлежала упомянутая горничная. Она подскочила к вышедшему и завопила:

– А ты кто такой? По какому праву распоряжаешься?

Сандер Тамм смерил её холодным взглядом, но ответил:

– Владелец этой богадельни.

Ангелина немного притормозила и уставилась на него с фирменным оленьим выражением. Не знаю, возымело ли это хот какой-то эффект. Сандер по виду напоминал айсберг: такой же белый, холодный, непредсказуемый. Бесстрастный взгляд блондина препарировал горничную, как подопытную лягушку, с чисто академическим интересом. На секунду мне даже стало её жаль – очень не хотелось оказаться на её месте. А затем произошло чудо: мужчина

улыбнулся. Так кошка улыбается мыши, перед тем как ослепить её и играть до тех пор, пока у несчастного грызуна не разорвётся сердце.

Внезапно я поняла – вокруг воцарилась тишина. Люди не спешили расходиться – они всё-таки жаждали ответов на вопросы, но замолчали, все разом. Сандер огляделся и произнёс:

– Всем вам до одиннадцати поступит на банковские карты полный расчет и компенсация за потерю рабочего места без предупреждения. Претензии и пожелания можете высказать моему помощнику.

Из-за его спины вышел темноволосый мужчина – при своём среднем росте он доходил Сандеру лишь до мочки уха. Чуть брезгливое выражение лица говорило о том, что он не слишком настроен выслушивать претензии.

– А как же заявление на увольнение? – услышала я свой голос. – И трудовая книжка? Повернувшийся, чтобы уйти, Сандер, обернулся и вперил в меня льдистые глаза.

– Опустим эти формальности. Трудовые книжки вы получите по почте заказными письмами, в течение трёх дней. Я вас больше не задерживаю.

Честно, хотела отвернуться и уйти, но никак не могла отвести глаз от его светлых зрачков – они делали со мной что-то невероятное! На спину набегали волны озноба, а щеки покрылись жарким румянцем. Я всё ждала, когда он первым опустит взгляд, но не тут-то было! Постепенно исчезли звуки улицы, а в голове зазвучал знакомый голос: «Посмотри на меня!»

Неожиданно на лице неприступного мужчины отразилось смятение, он потянулся к лицу, но рука застыла на полпути. Сандер повёл ею перед собой, будто пытался сбросить завесу. Неожиданно наваждение закончилось. В дверях появился седой человек в дорогих солнцезащитных очках и идеально сидящем на поджарой фигуре темном костюме, таком же как у Сандера.

– Ты идёшь? – произнёс он, касаясь плеча блондина.

Тот слегка вздрогнул, и не говоря больше ни слова, отправился вслед за пришедшим. Сотрудники постояли ещё немного и стали расходиться. Ангелина бросала на меня уничтожающие взгляды – ну и пусть: мы с нею никогда не дружили.

Ровно в одиннадцать часов раздался телефонный «бульк» – банк прислал сообщение о зачислении средств. Господин Тамм оказался вовсе не скупердяем: на счету появилась сумма равная зарплате за три месяца.

До меня неожиданно дошло: я свободна и с деньгами! Сама судьба подталкивала к дому, завещанному неизвестным двоюродным дедушкой. Не теряя времени, решила отправиться в ближайшую нотариальную контору. Очень кстати оказалось, что письмо с уведомлением забыла выложить из сумки.

Нотариус, красивая светловолосая женщина лет тридцати, поцелкала по клавишам компьютера, сверяясь с базами и вынесла вердикт:

– Вам в наследство оставлен дом в поселке Черный Ручей, адрес: улица Вишнёвая девять. Для вступления в наследство необходимо уплатить налог – тридцать восемь тысяч рублей.

У меня вытянулось лицо – это были почти все деньги, полученные за расчет. Нотариус выжидающе смотрела на некоторое время, а потом добавила:

– Если сейчас не готовы, можете прийти позже. У вас есть полгода. После оплаты я дам справку об уплате налога и документ о том, что вы претендуете на данную собственность по завещанию. С нею обратитесь в местную нотариальную контору, где составлялось завещание, и они выдадут ключи от вашей собственности.

– У меня только безнал... – неуверенно протянула я.

Нотариус молча указала на стоящий рядом с клавиатурой терминал. Я вздохнула. Точно сказано в книге предсказаний на каждый день, которая лежит на моей прикроватной тумбочке: «Поддержишь денежки в руках и снова останешься на бобах».

– Давайте, оплачу!

Нотариус улыбнулась в ответ на мой тяжкий вздох, покопалась в ящике стола, достала красивый бланк с водяными знаками и указала на пустую строку:

– Впишите фамилию, имя, отчество и паспортные данные...

Через пятнадцать минут я шла по улице с красивым документом в котором в графе «собственник дома по улице Вишнёвая дом девять посёлка Чёрный Ручей» значилось: «Ариадна Владимировна Кружалина». Цифры на карточном счету существенно изменились – теперь там хватало только на автобусный билет до Черного Ручья и пару тысяч сверху, на насущные мелкие расходы.

Ноги несли меня по брусчатке, постепенно замедляя шаг. Представляю, какой вой поднимет бабушка, когда узнает, что меня уволили, да ещё в добавок, все расчетные ушли на оплату налога на недвижимость. Отец, как обычно, философски вздохнёт и пожмёт плечами, а мама будет долго расспрашивать, что да как.

Радости от владения имуществом не ощущалось совсем. Не успела даже увидеть этот дом, а уже столько разных проблем! Неожиданно передо мной выросла автостанция: оказывается, по рассеянности я шла в противоположную сторону от дома. Ну, раз так сложилось, тогда куплю билет на завтра и поеду – чего тянуть?

Глава 2

Округу заливают необычный золотистый свет.

– Посмотри на меня, – всё тот же знакомый голос. Широко открытые глаза не видят его лица, только длинная прядь белоснежных волос касается моего лица. Нежные руки смыкаются за спиной, прижимают к груди, затянутой черным бархатом с изысканной серебряной вышивкой. Я слышу под щекой частый стук его сердца – моё собственное бьётся в горле, как рыба на крючке. Эти руки могут причинять боль, я знаю!

– Адди!

– Нет! – шепчу я, пытаюсь вырваться из мягкого плена. Нежные руки тут же становятся жесткими, больно впиваясь тонкими пальцами в плечи. – Оставь меня! Брат не должен так себя вести!

Он насильно запрокидывает мне голову, крепко удерживая рукой за подбородок. В спину впиваются сучки – я плотно прижата к стволу дерева.

– Адди! – его губы почти касаются моих. – ЗАБУДЬ! Ты слышишь только мой голос, и только он имеет значение!

Меня вжимают в ствол – от особенно острых сучков останутся синяки и небольшие ссадины. В голове что-то щёлкает: мир вдруг становится праздничным и ярким. В голову ударяет свежий запах скошенной луговой травы, всегда напоминающий о нём, моём сводном брате.

– Поцелуй меня, – просит он.

Повинуюсь – встаю на цыпочки и тянусь к его щеке.

– Ты будто дитя! – шепчет он. – Не так! Поцелуй не как ребёнок, а как любовница!

Останавливаюсь в замешательстве.

– Ну же! – торопит он срывающимся голосом.

Робко касаюсь его губ своими – я не знаю, как должна целовать любовница.

– Не так! – в его шепоте запутался едва уловимый привкус хвои. Наверняка пил сосновую настойку матушки Ленаж! Она пьянит и заставляет делать глупости, так говорит Тинни... – Сейчас научу. Приоткрой рот!

Даже не возникает мысли воспротивиться: каждое его слово – закон для меня! А исполнять любой приказ – невыразимая радость.

– Закрой глаза, – от самого звука этого голоса я плыву в теплых облаках неги. Когда его губы сминают мои, а язык врывается в рот, забываю даже дышать. Кровь стучит в висках, слышу чей-то тихий стон... Острый сучок больно впивается прямо под ребро, вздрагиваю и прикусываю собственную щеку. Легкий солёный привкус крови...

Открыв глаза, долго не могла понять, где нахожусь. Знакомая тумбочка рядом с кроватью, торшер, ковёр на стене с красно-желто-черным цветочным рисунком – там в детстве я находила силуэты черепов, волков, летучих мышей...

Во рту явственный привкус крови – во сне прикусила щеку. Стряхнуть с губ ощущение от навязчивых поцелуев получилось не сразу. Надо же, какой реальный сон! До сих пор на теле чувствовались прикосновения, а спину саднило от неровной древесной коры. Во сне я хорошо знала навязывающего свои ласки... Сейчас канва наваждения постепенно таяла, оставляя после себя чувство странной зияющей пустоты. Мне хотелось близости того человека из сна, и одновременно она сильно пугала: очень неприятно, осознавать себя полностью в чужой власти!

– Ада! Вставай! – мама зашла в спальню, отёрнула шторы.

– Мне же не нужно сегодня на работу! – слабо возразила я.

– Зато на автобус скоро! Не передумала ещё на свой дом смотреть?

Она улыбнулась и заговорщически подмигнула:

– Бабушка до сих пор никак не успокоится, что ты все деньги отдала в уплату налога. Отец сбежал на работу раньше обычного от её нападок.

– Ей скучно, – ответила я. – Подруг нет, из развлечений – домашние дела и телевизор. Вот и грызёт потихоньку нас – чем ещё заняться?

– Печенье пусть грызёт, или орехи, – ответила мама. – Нечего нас до косточек обглаживать. Вот уедешь ты, за меня примется. Но ненадолго – я сегодня на сутки отправляюсь дежурить. Звони, как устроишься. Если дом окажется совсем непригодным – приезжай обратно. Не надо одной в развалюхе пошарпанной ночевать. Что-то тревожно мне за тебя.

– Всё будет хорошо, мамочка, – постаралась я её успокоить. У самой на душе скребли кошки – на самом деле внезапное увольнение выбило из колеи намного сильнее, чем хотелось показывать.

Мама проводила меня до остановки, а потом отправилась на дежурство.

Автобус подошел совсем скоро, обычно пригородного транспорта приходилось ждать намного дольше. В салоне даже нашлось место рядом с окном. На самом деле я ехала не совсем в незнакомые места. Когда ещё училась в школе, меня дважды отправляли туда в лагерь на отдых. Честно говоря, те поездки вспоминать не хотелось – «отдых» оказался сущим мучением.

Попытки социализации прекратились, когда я во второй раз вернулась из лагеря с громадным синяком вокруг глаза. Один из мальчиков, почему-то невлюбивший меня с первого взгляда, «случайно» попал мячом во время игры в волейбол. Удивительно, как он не сломал нос, отбив мяч не как положено в игре, руками, а ногой, будто в футболе! Медсестра, удостоверившись, что сотрясения нет, отправила меня на полчаса полежать в изоляторе, а потом отпустила на все четыре стороны.

Сам посёлок, небольшой, с аккуратными домами не выше двух этажей, располагался неподалёку от леса, по границе которого и протекал ручей, давший ему название. Прибыв на место, я стала расспрашивать, где найти нотариуса. Встречные, как один, заявляли, что контора ближайшего нотариуса находится за пять километров отсюда, в городке Малые Дуги. Зато Вишнёвую улицу знали все.

До Малых Дуг добраться как-нибудь позже можно. Сначала надо на сам дом взглянуть – рассуждала я, резво топая по дорожке мимо зелёных кустов, усеянных крупными сиреневыми колокольчиками – кажется это растение называется гибискус сирийский. У нас оно встречалось только в городском парке, здесь же росло на каждом шагу. За изгородями из лавра, прятались разноцветные крыши – как же здесь всё изменилось со времени моего пребывания в лагере! Простые деревенские домики исчезли – на их месте стояли красивые современные коттеджи.

В душе поднялась безумная надежда: а вдруг мой дом тоже окажется таким – ухоженным современным, с садом вокруг... Медная сверкающая табличка сообщала, что передо мной дом номер три по улице Вишнёвой. Если учесть, что четные номера домов шли через дорогу, я уже близко! Впереди маячили непролазные кусты жасмина. Как хорошо! Может до меня будет по вечерам доноситься его запах, когда буду сидеть на террасе, попивать чай...

Мечты свернулись, как кувшинки в пруду при наступлении ночи – после седьмого номера почему-то шел сразу одиннадцатый! Где же девятый? Кто-то жестоко пошутил, поманив несуществующим наследством?

Потоптавшись у красивого одноэтажного домика с ухоженным огородом по сторонам от крыльца, прятавшегося за оградой из декоративных цементных плит с просветами, я решила вернуться назад. Там, где кончалась ограда, начинались кусты ежевики покрывавшие невидимую изгородь на полтора человеческих роста. Похоже, новоявленную собственность упрятали, как замок Спящей красавицы.

Я попыталась разглядеть хоть что-то, отойдя к противоположной стороне улицы. Так и есть! За густым пологом из листвы пряталась дощатая крыша, выкрашенная облупившейся

оранжево-коричневатой краской... А может, она выцвела от времени? Над этим пегим «великолепием» возвышалось декоративное каменное украшение – ниже рассмотреть ничего не удавалось, за буйством разросшихся деревьев и ежевики. Мама оказалась права – моим наследством оказался неприглядно ветхий старый дом.

При более внимательном рассмотрении, под колючими ветками отыскалась добротная металлическая калитка. Я попыталась найденной тут же палкой отодвинуть колючки. Под ними обнаружилась табличка, потемневшая от времени и непогоды. Красивая цифра, выгравированная на ней, не оставляла сомнений – вот она, необходимая улица Вишнёвая девять! Я подошла к воротам соседнего седьмого дома и уверенно нажала на кнопку звонка – прежде чем принять решение, лучше поспрашивать тех, кто живёт по соседству. Совсем рядом залаяла собака.

– Чуня, сидеть! – одёрнул её женский голос, тут же спросивший: – Кто там?

– Здравствуйте! Меня зовут Ада Кружалина! Я...

– Знаю, знаю! – чуть раздраженно ответила из-за калитки женщина. – Наследница Викентьева! Сейчас ключ дам от дома и калитки, только документы покажите – много сейчас всяких мошенников развелось!

Пока я рылась в сумке в поисках паспорта, из-за калитки выглянула очень ухоженная дама лет шестидесяти – назвать её иначе не поворачивался язык.

– А! – она долго сличала фотографию в паспорте, а потом сказала: «Ждите!» и скрылась. Воспользовавшись отсутствием хозяйки, собака за забором вновь принялась истошно лаять.

– Да что ж ты Чунька так разорешься? – попыталась её утихомирить хозяйка, вновь появляясь. – Вот ваши ключи, – она протянула мне потёртый кожаный футляр. – Меня зовут Лидия Дмитриевна – обращайтесь, если что. Не знаю, правда, как вы управитесь: за какую-то неделю ежевика так разрослась, что не пробиться! Правда... Не тем будь помянут, Савелий Петрович не слишком за участком следил... Может вы возьмётесь?

– Спасибо! Там будет видно, – я подхватила ключницу нерешительно пошла к калитке. Вот чудеса! Точно помню, её не было видно за колючими ветками, а сейчас они словно раздвинулись – не полностью, но открыли доступ к ручке и замочной скважине. Табличка с адресом полностью открылась, и даже стала как будто ярче, хотя возможно, это просто игра света.

Лидия Дмитриевна с любопытством следила за мной. Может и не очень вежливо, но я повернулась к ней спиной и вставила непривычно большой резной ключ в замочную скважину, ожидая противного скрежета от несмазанного механизма. Ключ легко и бесшумно повернулся раз, другой. Я нажала на ручку, и калитка поддалась под рукой, открывая проход. В открывшуюся щель виднелась дорожка, мощеная мелкой галькой. Она терялась за буйно разросшимися неизвестными кустами, усыпанными яркими оранжевыми цветами. Увидев их, я на секунду замерла от красоты, а потом протиснулась за калитку, стараясь не оцарапаться о колючки.

Закрываясь за мной, петли противно лязгнули, и вновь воцарилась тишина. Точнее, здесь было непривычно тихо – густая растительность, казалось, поглощала звуки улицы. Чувствуя себя девочкой Элли только что прибывшей из Канзаса в Волшебную страну, я пошла по дорожке, почти что из желтого кирпича. Вот-вот из-за куста появятся жевуны в голубых одеждах... Однако, жевуны не появились, а возник ОН!

Если вы когда-нибудь болели ярким стилем шестидесятых, то увидев его завопили бы от восторга. Ну, может, не завопили, но ахнули бы – точно! Когда-то этот дом мог гордо заявить о себе, что является одним из типичных представителей респектабельных викторианских особняков. Однако, это было до того, как какой-то любитель кислотных оттенков выкрасил стены в ярко-сиреневый цвет смело сочетая его с насыщенно-васильковым. Казалось, сам дом отторгает такое безобразие и пытается сбросить его, как змея – старую кожу. По всему фасаду краска облупилась во многих местах, являя миру благородный серый камень. На мой взгляд, этот дом был бы намного красивее, не вздумай развесёлый маляр провести над ним свои сомнительные эксперименты.

Я всё-таки ахнула: участок, казавшийся с улицы крошечным, на деле оказался огромным. По идее, дом должны с двух сторон зажимать ограды соседей! На деле, он стоял посреди большого сада, хранящего следы давнего скрупулёзного ухода: идеальные, мощные галькой дорожки извивались между округлых клумб с буйно цветущими светло-сиреневыми флоксами, синим шалфеем, алыми бальзаминами и нежными камелиями, в обрамлении желтой энотеры. Перед овальной террасой и с боков оставалось достаточно места, чтобы поместить туда ещё парочку таких же домов!

Однако, всё же на участке, лежала печать лёгкого запустения: сорняки пробивались между цветов, а на дорожках кое-где не хватало камешков... Странно: я, с ужасом вспоминая поездки на дачу и прополку огорода, вдруг поймала себя на мысли, как хочется привести клумбы в порядок и вернуть саду ухоженный вид!

Моему саду! Осознание этого искрило радостью, заставляя ноги самостоятельно пританцовывать на месте. Мой сад и мой дом! Кстати, разбитых окон заметно не было – это вселяло надежду. Подойдя к двери, я поняла – дом добротнее, чем кажется издали. Создавалось впечатление – кое-как намазанная краска исполняла роль камуфляжа – будто слиток золота выкрасили, чтобы вынести под шумок. Но зачем кому-то намеренно уродовать дом?

Я потрясла головой – похоже, снова размечталась. Сначала нужно посмотреть, что внутри, а потом делать выводы. На связке было два ключа – значит второй, тот что поменьше, тоже необычной формы, будто от старинного шкафа, должен подходить к дверному замку. Яркая-синяя дверь открылась с показательным скрипом, в котором мне почудилось приветствие, как от старого друга.

Прихожая оказалась неожиданно богатой – таких я ещё не видела. Потолок из резных плиток орехового дерева, скреплённых светлыми ольховыми рейками был сам по себе произведением искусства. Как-то я читала, что такой вид потолочной отделки называется артоседо. Но меня поразил даже не он. Арочный проход в гостиную с одной стороны обрамляло искусно вырезанное дерево – каждая ветка или листок, да что там, рисунок коры – дышало изысканным совершенством. Казалось, стоит ветру ворваться через неплотно прикрытое окно, и оно зашелестит потревоженной кроной.

Притворив входную дверь, я прошла в гостиную по устланной разноцветной каменной плитке, складывающейся в причудливые узоры. В виске, не переставая, стучала мысль, откуда у двоюродного деда Савелия, о котором в семье ни разу не упоминали, оказался такой дом, похожий на музей? Красивая старая мебель: диван с резными подлокотниками, кресло возле камина в виде разверстой пасти дракона, выпуклое медное тело которого занимало всю стену... И это странное, неотвязное чувство узнавания – будто всё в этом доме знакомо, более того, родное!

– Да что ж такое! Тебя не учили под ноги смотреть! Уже второй раз норовишь раздавить! – запищали под ногами.

От неожиданности я взвизгнула, подпрыгнула и рванулась обратно к двери.

– Стой! Куда! Да стой, ты, кому говорю?

Ручка не поддавалась, сколько ни дёргай, хотя я прекрасно помнила, что не запирала замок.

– Успокойся уже! Не такой я и страшный! – продолжали пищать откуда-то с пола. – Да, странно. Тебя описывали, как умную и даже мудрую... Пока что не заметно!

Слова невидимки немного задели. Я оставила дверную ручку в покое и стала искать взглядом их источник. Он нашёлся быстро: прямо под аркой, рядом с восхитившим меня резным деревом, прямо на полу сидел уже знакомый синегокожий человечек. Его ярко-желтые глаза горели неодобрением.

– У-у-у-у! – сказал он и вытянул в мою сторону руки с растопыренными пальцами. – Как страшно! Можно подумать, ты никогда малоросликов не видела!

Онемев от растерянности, я лишь покачала головой. Затем, кое-как опомнившись хрипло спросила первое, что пришло в голову:

– Ты что, домовой?

Наслушавшись бабушкиных рассказов о том, как домовый прячет вещи, чудит на кухне и заставляет скисать только что налитое свежее молоко, я с самого детства страстно мечтала на него поглядеть. От тех бабушкиных рассказов веяло волшебством и чем-то таким, чего не хватает в обыденности, к чему душа маленькой Ады рвалась изо всех сил и нигде не могла найти. И вот, поглядела на домового, кажется!

Человечек дернул рысьим ухом, удивлённо разинул рот, а потом разом подскочил на ноги, отчетливо прищелкнув подкованными каблуками щегольских черных сапог и тоненько противно расхохотался.

– До-мо-вой! – сквозь смех, по слогам выдавил он. – Ой, уморила!

Отсмеявшись он подбоченился, гордо отставил ногу, упёр руки в бока и взирая на меня свысока, насколько мог позволить его едва ли тридцатисантиметровый рост, вымолвил:

– Не домовой я! Черничник меня зовут!

Затем он вновь сменил позу, на этот раз выставив вперед другую ногу. Создавалось впечатление, что этот маленький... не знаю кто, ни секунды не мог усидеть на месте.

– А я Ариадна, – всё-таки невежливо промолчать, когда тебе представляют. Черничник вновь подпрыгнул, на этот раз просто на месте и взмахнув рукой, сказал:

– Да знаю я! Замучился уже за тобой присматривать! Скукота смертная! Ты в кого такая тихоня уродилась? Даже игры и те только развивающие! Я уж и фишки прятал, и поле рвал, книжки портил... Упорная! Пуговицами заменила и бумагой подклеила! Аккуратистка!

Теперь наступила моя очередь разевать рот: выходит, всё-таки зря в детстве бабушка всех уверяла, что внучка ужасная хулиганка! По её словам, я не ценила подарков, бесконечно всё теряла и рвала книги. Но ведь я не делала этого! Так вот, оказывается, кто виновник детских обид!

Уловив что-то в моём взгляде, Черничник примирительно выставил свои синие ручки:

– Ну-ну! Не нужно благодарностей! Я как мог, спасал тебя от скуки! А того паука помнишь? Который забрался тебе на кровать и прыгал по одеялу?

Этот эпизод так и не вспомнился, но зато перед внутренним взором вдруг всплыла другая сцена: огромная серебристая паутина в изголовье резной кровати, вцепившийся в неё всеми восемью лапками большущий паук с синим, словно кожа Черничника, раздутым брюшком и неожиданно кокетливыми розовыми рюшами по бокам... А ведь это чудо, кажется, пело!

– Ага! Помнишь! – завопил Черничник. Воспоминание немедленно ускользнуло, развеявшись будто дым от задутой свечи. Я же почти ухватила! Неприятная ватная пустота в голове вызвала приступ неожиданного раздражения.

– Послушай! Не знаю, кто ты и зачем здесь, но хочу сказать тебе только одно: убирайся! – гаркнула я. – Это мой дом!

– Ну да, вспомнила наконец? – кажется, на вертлявого малорослика ничего не действовало. – Именно твой! Ох, Флейтист так красиво выигрывал его своей флейтой в ткани миров! Закачаешься! Правда, если бы я знал, чем это для меня обернётся... Лучше бы не слушал, а бежал куда подальше! Кстати, это я покрасил фасад – и не благодари! Здорово вышло, правда?

Так вот значит кто любитель кислотных сиренево-синих оттенков в архитектуре! Это было глупо, признаю. Однако, я не удержалась и замахнулась на него сумочкой. Черничник ойкнул и исчез – просто был и нет! И никаких волшебных дымов или туманов.

– Ай! – кто-то больно дернул меня за волосы. Я обернулась. Он стоял напротив входной двери, и мстительно улыбался.

– Не советую повторять! – предупредил он, грозя тонким пальцем, увенчанным острым, коготком. – Иначе можешь как-нибудь утром проснуться привязанной к кровати собствен-

ными волосами, отросшими на три человеческих роста, как у девчонки-репки²! Хотя я и малорослик, но наши проклятия ничуть не слабее, чем у некоторых высоких!

– Чего ты пристал ко мне? – сдалась я, прикинув неприятную перспективу.

– Нужна ты мне больно! – он попрыгал на месте, а потом проскакал мимо, вскочил на ручку кресла, и устроился там, свесив ноги. – Это Флейтист «прииграл» меня к тебе. Пока всё не вспомнишь, придётся нам терпеть друг друга. Теперь хоть видишь меня, и то ладно. А то раньше никак докричаться не мог. Ему самому недосуг за тобой всё время следить, вот он и придумал мне испытание.

Я потрясла головой – от обилия необычной информации она шла кругом. Малорослик по-своему понял этот жест.

– Что, не веришь? Думаешь, почему он так сделал? – он вспрыгнул на ручку кресла, а потом вновь уселся обратно и почесал за синим пушистым ухом. – Я надумал свататься к Мине из клана портных. Ты с ней знакома, но не помнишь – она подданная Флейтиста, живёт в его сиде. Вот он придумал – если мои намерения крепки, я выдержу жизнь в мире, где правит железо, и стану докладывать ему о тебе.

Он тяжело вздохнул. При упоминании Мины, его невесты, мне привиделась маленькая мышьяная мордочка, в изысканном кружевном чепце, с трогательным чёрным носом и круглыми глазками, блестящими почти человеческим разумом... Может, я действительно была когда-то знакома с нею?

– А... – больше я ничего не успела сказать. Черничник вновь подскочил и затараторил:

– Ни о чем не спрашивай! Ты должна вспомнить сама! Мне запрещено рассказывать о тебе и... – он замолчал, зажимая рот обеими руками. Похоже, просить малорослика соблюдать тайну, означало сделать её достоянием каждого. Однако, он стойко держался, смотря на меня округлившимися глазами: слова явно желали потоком вырваться из него! Наконец, не совладав с собой он взвыл и вновь исчез.

Я покачала головой, прислушиваясь к собственным ощущениям. Как-то подозрительно спокойно воспринялось реальное существование такого существа, как Черничник. Более того, в душе поселилось чувство, что так и должно быть, и всё постепенно встаёт на свои места! Он говорил о Флейтисте, а я, на самом краешке тёмной бездны сознания, где обитал синий паук с розовыми рюшами и мучающий меня голос, шепчущий признания, услышала тихую пронзительную мелодию, от которой все волоски на теле встали дыбом.

Повинуясь внезапному импульсу, я быстрым шагом прошла в угол гостиной, где стоял массивный резной шкаф, украшенный завитками в виде крыльев летучих мышей и бабочек *Acherontia Atropos*, в простонародье называемых мёртвая голова. После появления Черничника, вкусы Савелия Петровича уже не так сильно удивляли. Ухватившись за позеленевшую от времени латунную ручку в виде изогнутой руки скелета, я потянула – створка с лёгким скрипом поддалась, открывая темную внутренность шкафа. На полках этого готического чуда самые тривиальные предметы соседствовали с совсем уж странными. Стопку обыкновенных розовых махровых полотенец венчал большой, с голову младенца, прозрачный хрустальный шар, казалось, светивший таинственным светом изнутри. Рядом стояла ониксовая ступа для специй и трав, рядом с нею – большая коробка, обшитая черным бархатом. Красивая шкатулка, явно старинная, соседствовала на полке с обыкновенной фарфоровой чашкой с незабудками. Ужасно захотелось налить туда кофе и посидеть на террасе!

Тут я спохватилась: а есть ли в этом доме кофе? Большая золотистая пачка зернового «Лавацио» притаилась тут же, в уголке, рядом с медной устрашающего вида узорчатой старинной кофемолкой грозящейся массивной ручкой. Кофе – не на кухне? Я тут же решила устранить это безобразие. Кофемолка оказалась удивительно тяжелой – настоящий металл, а не при-

² Рапунцель

вычный лёгкий пластик. Пришлось сунуть под мышку килограммовый пакет с ароматными коричневыми зёрнами, и обеими руками ухватить кофемолку – иначе никак не удержать!

За аркой безошибочно угадывалась просторная, вполне современная кухня – множество шкафчиков приятного оливкового цвета, газовая плита–панель с пятью разнокалиберными конфорками, духовка, стоявшая на столешнице на уровне пояса, круглый полированный стол красного дерева с четырьмя резными стульями в центре...

Старинная мельница прекрасно смотрелась на бледной зеленоватой каменной столешнице с красивыми мраморными разводами. Пристроив пачку кофе рядом с ней, я замерла, впитывая очень знакомое чувство – так должно быть. Чем дольше находилась в доме, тем сильнее убеждалась – ни за что не стану его продавать! Даже вещи внутри – каждая казалась до боли знакомой, родной!

Не заставят! Ни одного предмета не отдам в заgreбушие руки родственников – пусть хоть режут! Кто же этот Савелий Петрович, бывший владелец дома – настоящий дедушка или... загадочный Флейтист, о котором говорил Черничник?

От такой мысли резко закружилась голова.

– Ну, что? Вспомнила? – малорослик сидел на рабочей поверхности рядом с плитой, по обыкновению, болтая ногами в воздухе. – Вижу! Не отвертисься!

Он потянулся к розетке, наполненной какими-то не-то зёрнами, не-то орехами и принялся отправлять их в рот одно за другим, с абсолютно бессовестным чавканьем. Заметив мой взгляд, он пододвинул розетку ближе и спросил:

– Хочешь?

Я было потянулась, но в последний момент отдернула руку, отчётливо ощущая опасность.

– Ах, да! Тебе нельзя! – он захихикал. – А ты всё-таки не дура! Не альва, железнобокая... или? Кто ответит: если побывала в подмышках – человек ли? У смертных другие пути! Хочешь выяснить? Попробуй орешек из леса Кернунна!

Кернунн – от этого имени по рукам и ногам побежали мурашки. Казалось бы – что такого? В мифологии это бог леса, скотоводства, плодородия. Как у всех языческих богов, у него много имён – Цернунос, Пан, Рогатый... Но я знала – у него есть и другие, нечеловеческие имена, тайные, одно из которых мне известно – Карней! Я едва удержалась, чтобы не произнести его вслух – но и этого оказалось достаточно.

Непрощенное яркое воспоминание окрасило лёгкий полумрак гостиной в цвета рассвета. Жаркие дуновения заструились по коже, в ноздри ворвался воздух, напоённый запахами мёда, трав и свежевскопанной земли. Жужжание насекомых слилось в ушах с пением птиц и стрёкотом кузнечиков и цикад. Рассветные лучи едва тронули горизонт. В траве прямо на глазах из воздуха образовывались будущие Слёзы Истинной Любви, а пока только обыкновенные росинки – насколько они могут быть обыкновенными в Тир Нан Ог, Стране Вечного Лета?

На его гладкой тёплой коже, остро пахнущей древесным соком, цвели лозы – разве можно назвать татуировками эти живые чудо-рисунки, с распускающимися весенними бутонами и опадающими осенью листьями?

– Ариадна! – шептал он, держа моё лицо в ладонях, внимательно всматриваясь невероятными глазами цвета молодой листвы. – Поведай, что убивает твоё сердце? Может, в силах лесного властителя его исцелить?

– Мне нужны Слёзы Истинной Любви, – говорю я, но не такого ответа он ждёт. Густые золотистые брови вразлёт хмурятся, но Кернунн отпускает меня, отходит на шаг и тянется за паутинкой, на которой в рассветных лучах горят, словно искры разгорающегося костра, капли волшебной росы.

– Не одна? – широкие скулы напряглись. Киваю, не в силах произнести ни слова. Вокруг него бурлит энергия жизни, так сильно, что боюсь выдать себя хриплым голосом. – Сколько?

Набравшись наглости, показываю раскрытую ладонь.

– Пять? – в его голосе нет удивления. – Не для себя. Вновь! – слова падают между нами, придавливая к земле непомерной тяжестью, которая тут же уходит, стоит ему приблизиться и взять меня за руку.

– Ты знаешь цену! – киваю, отводя глаза. – Когда же позволишь мне помочь? Пока не расскажешь – откуда узнать? Ведь я не провидец, подобно моей жене!

Раскаяние от того, что предстоит сделать, тут же терновым шипом впивается прямо в душу. Лицемерно шепчу:

– Пусть простит меня! Ведь это не по-настоящему!

Паутинка опасно дрожит в его руке, когда буйная золотая грива взлетает, откинутаая с невесёлым смехом:

– Обман! Всё-таки ты такая... Смертная! Они вечно обманывают себя, говоря: «это понарошку, не по-настоящему!» Позволь просветить, так не бывает – всегда по-настоящему! Просто вам, живущим лишь краткий миг, невыносимо осознавать, что наступает конец. Вот и водите за нос сами себя, делая вид, что будете жить вечно. На самом деле каждое мгновение жизни уходит невозвратно. Так зачем отрицать, вместо того чтобы наслаждаться каждым дарованным мгновением?

– А вы, даоин ши, застыли, словно мухи в янтаре! – почему-то его слова обижают меня. – Вся жизнь – миг длиною в вечность!

– Да, – легко соглашается он. – От этого все наши ритуалы и циклы – иллюзия движения.

Он вновь мягко привлекает меня к себе одной рукой – в другой по-прежнему паутина, с каплями, которые теперь каждая величиной с ноготь моего большого пальца. Как только держатся? Магия, не иначе!

– Но ты заставляешь ощущать вкус самой жизни! Погрузиться в неё с головой и просто чувствовать и впитывать всем существом. Лучше закрой глаза и вдохни поглубже, – его предупреждение запоздало. Когда губы Кернунна завладевают моими, всего воздуха на свете становится мало. От него идет такой жар, что на секунду кажется, моё тело начало плавиться и развеиваться в пространстве, как пар над озером. Если бы не его рука, поддерживающая под спину, непременно сползла бы на землю. Неистовый поцелуй длится и длится...

– Ах, ты мерзкий козел! – от пронзительного выкрика заложило уши. Кернунн не сразу отрывается от меня, но вдруг резко вздрагивает и плавным движением задвигает меня к себе за спину.

– Рога носишь ты, а у меня за спиной смеются, называя рогоносицей!

– Керри, прекрати! – не хотела бы я, чтобы Кернунн говорил со мной *таким* голосом. – Каждый раз одно и то же!

Из-за его широкой спины видно только разъярённое лицо прекрасной альвы и всколоченные каштановые волосы, в которых запуталась зелёная листва. Вокруг неё танцуют яркие молнии, от которых меня и закрывает Кернунн.

– Кто на этот раз? Что за ведьму ты вновь ублажаешь за моей спиной?

С облегчением вздыхаю – она не успела разглядеть меня! Кровь заледенела, при мысли о том, как Керридвейн могла отомстить случайным возлюбленным своего мужа.

– Прости, но мне сейчас некогда выяснять отношения! – Кернунн топнул ногой, извернулся, подхватил меня и потащил за собой. Тут же заложило уши – верный признак путешествия по тропам даоин ши. Мы вновь оказываемся на обширной лесной поляне. Солнце вот-вот поднимется и подарит миру свои яркие лучи.

– Это ненадолго, – предупреждает он. – Керри вновь найдёт меня, но мы успеем.

Повинуясь внезапному импульсу, спрашиваю:

– Ты любишь свою жену?

– Конечно! – забавно округляет глаза он.

– Тогда почему? – не могу продолжать, но он всё понимает. Улыбка Рогатого сияет, как солнце, готовое вот-вот явиться во всей красе:

– Любовь и долг – вечное обманчивое противостояние, – совсем не на такой ответ я рассчитывала. – Лишь любовь дарует волю к жизни, заставляя цвести и прорасти каждую былинку, устремляющуюся к свету! Мой долг следить, чтобы это продолжалось всегда!

Тут первый яркий луч нового дня прорывается из-за горизонта: Кернунн выбрасывает вверх руку с паутинкой, на которой блестят пять крупных капель росы. Его губы вновь завладевают моими, но на этот раз поцелуй длится недолго. Не отстраняясь он подносит к лицу паутинку, шепчет что-то и дует на неё. Слёзы Истинной Любви застывают на глазах, заключая в себе частицы первого утреннего луча. И вот, в его руке уже ожерелье из ярких камней, отбрасывающих оранжевые-розовые блики, вместо простой паутины и капель росы. У меня на глазах свершилось настоящее чудо!

– Держи! – ожерелье переключало в мою ладонь. Довольный Кернунн стоит рядом, более не делая попыток коснуться. Слёз почему-то шесть. Удивлённо поднимаю глаза:

– Мы договаривались о пяти!..

Он отбирает самую крупную, а затем снимает с руки тонкий браслет, который вытягивается в длинную цепочку, подвешивает на него Слезу и надевает мне на шею со словами:

– Ты вновь путаешь долг с любовью! Это тебе: носи её – пусть сердце наконец успокоится!

От благодарности вновь хочется плакать, как от искренней тёплой улыбки и последующих слов:

– Позови меня именем Карней и я явлюсь за тобой хоть в самую темную бездну.

Глаза щиплет от непрошенных слёз – он ласково треплет меня по щеке, стирая их следы.

На языке таял непередаваемый орехово-медовый вкус, туман постепенно рассеивался. Я сидела в кресле, на подлокотнике которого нетерпеливо подскакивал знакомый синий человек.

– Ну, вспомнилось что-нибудь? Говори скорей! Ты уже целых десять минут сидишь и жуёшь орех, глядя в потолок!

– Не знаю, что это было, – я бездумно снова потянулась к стоявшей тут же розетке. Черничник резво подскочил и отобрал её, недоброжелательно ослабившись.

– Хватит тебе! Совсем в прострацию хочешь впасть?

Я до сих пор ощущала губы Кернунна, тепло его кожи и тяжесть подаренной цепочки со Слезой... Безотчетно коснувшись груди рука нащупала на её месте лишь пустоту.

– Праздник Осетровой Луны! Только после него на рассвете можно добыть Слезы Истинной Любви, если удастся уговорить покровителя плодородия...

– Ага! Вспоминаешь! Сейчас я тебе помогу! – малорослик длинным прыжком соскочил с подлокотника и убежал обратно в гостиную. – Я тут в шкафу нашел кое-что! – пропищал он оттуда. – Будет интересно!

Он вернулся, неся в руках маленькую круглую шкатулку из перламутра.

– Похоже, Кернунн к тебе благоволил! – он хитро прищурил левый глаз. В хитрой улыбке на непривычно синем лице так и не проявилась ни грамма доброжелательности. – Тут настоящее богатство! Даже в Стране Вечного Лета за Слёзы платят весьма дорого!

Под круглой, играющей всеми оттенками радуги крышкой из панциря халиотиса, на чёрном бархате таинственно мерцали пять каплевидных прозрачных камней, один из которых был закреплён на серебряной цепочке необычного плетения, напоминавшего ветви, или оленьи рога. Похоже, одна из Слёз успела найти своего нового владельца.

– Это моё! – я поддела пальцем цепочку. Камень, когда его извлекли из шкатулки, засверкал ещё ярче.

– Как и всё здесь! – подтвердил Черничник. – Ладно, мне пора – не досуг сидеть тут с тобой всё время, когда Мина ждёт не дожждётся в гости! Ну, только... – он немного помялся, а потом выдал:

– Не говори Флейтисту, ладно?

Для меня его слова пока оставались пустым звуком – при упоминании странного то ли имени, то ли прозвища, ничего не ёкало. Память ни в какую не желала делиться информацией, подкидывая только безнадёжную пустоту. Ясно одно – я точно прежде бывала в Стране Вечного Лета.

От видения-воспоминания с новой силой захотелось кофе. Махнув Черничнику – делай, что хочешь! – я полезла в ящик одной из кухонных тумб, безошибочно извлекая оттуда красивые ножницы-цапли, чтобы вскрыть пачку.

Мельница уютно хрустела, перемалывая зерна. На плите, подключенной к газовому баллону, закипал двухлитровый пузатый медный чайник с носиком, покрытым коваными завитками. Перемолов порцию, я с наслаждением потянула носом – ничто не сравнится с запахом хорошего кофе свежего помола!

Захватив из сумки злаковый батончик, купленный на остановке, с чашкой полной ароматного напитка я прошла прямо из кухни на террасу и примостилась в ротанговое кресло у круглого столика, почти не удивляясь тому обстоятельству, что не заметила здесь никакой мебели, когда проходила в дом. Черничник, похоже испарился, как и обещал.

Нужно в магазин сходить, осмотреться, поискать объявления о работе... Потом, всё потом! Предвкушая спокойную минутку перед решением самых обычных житейских проблем, я успела сделать всего пару глотков, как со стороны калитки, полускрытой буйными зарослями ежевики, донёлся громкий стук.

– Ада! Открой! Это я, соседка, Лидия Дмитриевна!

У меня вырвался длинный вздох. Даже тут, вдали от семейства – ни минуты покоя! Пришлось всё-таки идти открывать. Я почти не удивилась, когда густые заросли ежевики, плотно увивавшие изгородь и саму калитку, зашевелились, поспешно убираясь с пути. Сознание словно раздвоилось – одна часть буквально вопила о нереальности происходящего – синий человечек, живые кусты, какой-то Флейтист! А другая была спокойна словно море в безветренную погоду, как бы говоря: всё в порядке, так должно быть.

Лидия Дмитриевна терпеливо ждала, на расстоянии двух шагов от калитки. Непослушные рыжие локоны львиной гривой лежали на плечах. Почему мне показалось, что ей около шестидесяти? При ближайшем рассмотрении этой тоненькой невысокой женщине не дашь больше сорока! Большие светло-карие глаза, удивительно теплого медового оттенка, широкие прямые брови, чуть опущенные к вискам, придавали по-беличьи узенькому личику удивлённо-растерянное выражение.

– Ада, можно войти? – почему-то немного с опаской спросила она.

– Проходите, – я отступила в сад, чтобы пропустить её. Лидия Дмитриевна прошла через калитку, на секунду покосившись на толстую ветку ежевики, угрожающе зашуршавшую листьями при приближении гостя.

– Я много времени не отниму, – извиняющимся тоном продолжала соседка. – Просто хотела предупредить – тут кружили какие-то люди, все про дом твой выпрашивали: кому принадлежит, давно ли пустует, сколько земли... Почти каждый день наезжают. Я уже им открывать перестала. Будь осторожна, пожалуйста – столько мошенников развелось!

– Спасибо! Пригласила бы вас на чашку чаю, да не успела ещё в магазин зайти. Только знакомлюсь со своей собственностью.

– А, нет, не надо! Если хотите, пойдёмте ко мне – угощу вас, заодно и познакомимся. Я с дочкой живу. С мужем мы разругались – больше года он тут не показывается, так что вряд ли кто-то нас потревожит.

Видя, что я не слишком соблазнилась, она добавила:

– В центре открылась чудесная лавочка со сладостями – я там купила отличные цукаты, фруктовый мармелад и ореховую халву – дочкин ухажер её любит. Пойдёмте, не стесняйтесь!

– Честно говоря, я уже налила себе кофе... Давайте, чуть позже, ближе к вечеру к вам зайду – удобно будет?

– Конечно-конечно! – улыбнулась Лидия Дмитриевна. – После шести вернётся дочь с работы – как раз почаёвничаем. За продуктами лучше на рынок идти, только уже поздно – всё самое лучшее разобрали...

По дорожке прошуршал автомобиль и, судя по звуку, остановился рядом с моей калиткой. Глаза соседки округлились, она замерла на полуслове. На лице застыло выражение, слишком сильно смахивающее на страх. Помимо воли я прониклась – что могло так напугать эту милую женщину?

Гравий заскрипел под чьими-то шагами. Ветви ежевики вновь зашевелились, и принялись сплетаться прямо через открытую калитку.

– Я действительно не вовремя! – пробормотала гостя, однако не торопясь идти назад – колючие кусты сплетались всё плотнее, не оставляя прохода.

– Эй, я вас видел! – раздался совсем рядом мужской голос со слегка раздражённой интонацией. Где-то я уже его слышала. – Зачем прятаться, если можно поговорить и получить выгоду?

Нарочито изорванные модные джинсы, невероятно дорогие спортивные туфли, чёрная куртка поверх графитовой футболки... Голова и грудь не были видны за зарослями, густевшими на глазах. Он протянулся к калитке – туда немедленно устремилась тонкая колючая веточка.

– Ай! – визитёр отдернул руку. – Недружелюбный приём! Ну, ничего, сейчас будет по-другому.

Он отошёл, но явно недалеко.

– Скорее закрывай калитку! – прошептала Лидия Дмитриевна. – Раз уж они меня тут застали, потом к себе пойду, не буду нарушать оборону.

Она прошла на террасу и уселась в одно из ротанговых кресел. Эх, похоже, не получится сегодня у меня спокойно выпить кофе – он уже явно льдом подёрнулся! Я поспешила к калитке. Иррациональность происходящего зашкаливала: с какой стати мне прятаться от кого-то? Не лучше ли действительно поговорить? Вторая, нерациональная часть сознания подсказывала – не лучше, Соседка права! Я поскорее захлопнула калитку, которая, к удивлению, даже не скрипнула.

Мужчина вернулся с... секатором! Щёлк-щёлк – две особенно отросшие ветки упали на дорожку, извиваясь, словно отрубленные конечности в низкопробном фильме ужасов, постепенно усыхая прямо на глазах и превращаясь в пыль. Однако, на их месте немедленно выросли по две новых – наглец не добился успеха.

– Это не смешно! – к первому мужчине присоединился второй. – Заколдована эта дурацкая изгородь что ли? Дай-ка я!

Щёлк-щёлк-щёлк! Срезанные отростки падали на дорожку с другой стороны. В просвет под калиткой я видела, они вели себя как обычные срезанные ветки. Неужели за калиткой всё по-другому? Кусты, почуяв массивную атаку, принялись обороняться ещё усерднее – теперь на месте срезанных ветвей прорастали не по две, а по три новых.

– Им не пробиться! – соседка заметно успокоилась. Она сидела, заложив ногу за ногу, попивая кофе из моей чашки. – Видать, защита хозяйку чует. Ты сама её накладывала, или помогал кто?

– Что здесь происходит? – я схватилась за голову. – Сумасшествие какое-то!

– Эх, а я думала, что ты уже припомнила хоть что-то... – разочарованно протянула Лидия Дмитриевна, помолодев ещё на десяток лет. Её домашнее платье удивительно преобразилось. Прямая коричневая юбка закудрявилась множеством оборочек, более тёмный верх стянулся чёрным кокетливым корсетом поверх терракотовой плотной блузы, повторявшей оттенок волос. Сами волосы стали ещё пышнее и теперь полыхали цветом пламени.

– Это был мой кофе! – возмутилась я. Она улыбнулась, отпила ещё глоток и спокойно ответила:

– Он всё равно остыл. Кстати, был весьма недурён, когда только заварили! Ты ведь в курсе, что из-за тебя я к нему пристрастилась? Угораздило же, быть твоей соседкой!

– Лидия Дмитриевна!

– Всё равно маски сброшены! Давай уж по настоящему имени, а точнее... Ну в общем по тому, что в обиходе – Госпожа Пуговка. Живу здесь... Достаточно давно. Когда твой дом «всплыл» на пустыре, удивлению не было предела! Обычно порталы намного поменьше – ну, там, круги из поганок, пустые ворота посреди поля, «ворота духов», как в Японии... А тут – целый дом с садом! Да ещё с пикси этим, недоделанным! Ох уж вымучил он меня – на него ведь никакого удержу нет! Скачет целыми днями вокруг. Уж говорила ему, порядок лучше наведи! С его энергией он за час управился и давай снова скакать!

Раздался глухой удар – видимо, в калитку кинули чем-то тяжелым. Странная соседка, казавшаяся в самом начале вполне обыкновенной, вздрогнула и облилась кофе. С отвращением поставив чашку на стол, она стала тереть тёмное пятно на юбке.

– Пора заканчивать этот балаган, – пробормотала она. – Открой мне пожалуйста проход в другом месте – не хочу с ними вновь встречаться.

Я тупо смотрела на неё – открыть проход? Где? Лидия Дмитриевна, или как она сказала – Госпожа Пуговка? – преспокойно подошла к изгороди, граничащей с её домом, и обернулась, вопросительно глядя на меня. Её платье словно выцветало на глазах: исчезали задорные оборки, корсет расплылся, сливаясь с однотонной тканью, сама соседка стремительно старела, а буйные волосы становились короче, из них исчезли пламенные оттенки.

– Ну! – поторопила она.

Я подошла к изгороди и, чувствуя себя полной дурой, вытянула вперед руку. Ничего не происходило.

– А слова ключевые? – напомнила соседка.

– Э-э-э, сим-сим, откройся? – выпалила я.

Ещё один камень, по звуку больше прежнего, ударился о многострадальную калитку.

– Ещё варианты? – предложила Госпожа Пуговка.

Неожиданно один из молодых побегов двинулся к моей протянутой руке и потёрся о пальцы, как кошка, ожидающая ласки. Удивительно, но ни одна колючка не впилась в руку, будто их там не бывало. Ободренная, я подошла к изгороди вплотную. Плотный колючий кошмар, сплетённый из веток и листьев, начал расползаться в стороны. Не прошло и минуты, как изгородь расступилась, пропуская нас на соседний участок.

– Интересно-интересно, – задумчиво пробормотала гостья, следуя за мной попятам. – Без дверей, замка, ключа? Что тут думать сгоряча?

Мы прошли на её участок, а ветви ежевики снова потянулись друг к другу, смыкаясь, образуя надёжную защиту.

Глава 3

– Ну, раз уж ты всё равно здесь, давай хоть чайник поставлю, – деловито сказала Госпожа Пуговка. – Лаковые Туфельки, дочка моя, скоро придёт. Да не бойся, справится с незваными твоя защита! Уж который день за ними наблюдаю – ничего их не учит. Каждый раз одно и то же: сначала секатор, потом пила, потом, от злости, камни. Раньше ко мне стучались, но я перестала открывать и гламор накинула. Незваным кажется, что тут замусоренный пустырь.

Неожиданно запахло палёным.

– Это что же они удумали? – испугалась я. – Сейчас запросто пожар устроят!

Не раздумывая, кинулась к калитке.

– Стой! Стой, малахольная! – увещевала Госпожа Пуговка, или Лидия Дмитриевна... запуталась! Она, кинулась за мной, но опоздала всего на пару шагов. Я откинула задвижку и выскочила на улицу, мгновенно оказавшись у простой деревянной ограды с зарослями неряшливого вида растения. Мы их в детстве называли «вонючка» или просто «гадость» из-за того, что не выводилось никакими средствами. Ежевика на ограде моего дома напоминала настоящую броню. Ветки разрослись на два человеческих роста и так плотно переплелись, что за ними скрылась даже рыжая крыша дома.

У калитки, присев на корточки, плечистый мужчина в черном костюме с иголки разводил самый настоящий костёр. Рядом с ним в расслабленной позе стоял высокий платиновый блондин в чёрной байкерской куртке, серой футболке и рваных джинсах. Он обернулся – я тут же узнала Сандера Тамма, хотя без своего лощёного дорогого костюма он выглядел по-другому.

– А ты что тут делаешь? – бесцеремонно спросил он. – Смотри-ка, Пенни, я знаю эту девчонку. Откуда только?

Тот, кого назвали Пенни, поднялся во весь недюжинный рост – настоящий громила, да ещё широченные плечи.

– Я просил вас так меня не называть, – прорычал он, не обращая внимания на меня.

– Ну, я же не зову тебя клоуном! Хотя, ты и есть клоун, опасный, правда, поэтому – Пенни³!

– Сам ты!.. – громила обернулся ко мне. На его лице отразилось лёгкое замешательство, тут же сменившееся раздражением. – Брысь! – гаркнул он. – Пошла отсюда!

Сложно было не обратить внимание на слова такого крупного, да что там, страшноватого мужчины – сломанный нос и бесформенные ушные раковины выдавали в нём бывшего боксёра. Рубленые черты лица разительно контрастировали с идеальной внешностью Тамма. Однако, я постаралась остаться на месте – ноги сами готовы были нести меня обратно во владения Госпожи Пуговки, но ограда перед мнимым пустырём осталась непроницаемой.

– Прекратите разводить костёр! Нашли место! – как можно грознее постаралась выпалить я. – А с вами мы виделись, когда вы с рыжим адвокатом приходили отбирать гостиницу «Магнолия».

– А! «Магнолия», та что в центре города! Я вспомнил! Тебя ещё тогда так Лео смутил! – Сендер улыбнулся лишь уголком рта. – И что же ты тут делаешь, глупышка-недотрога?

От его тона мне захотелось ударить изо всей силы по этому красивому ухмыляющемуся лицу. Тот, которого назвали Пенни, немедленно напрягся, на подсознательном уровне почуяв мое настроение.

– Я живу здесь, неподалёку!

³ Сендер обзывает телохранителя Пеннивайз, персонаж романа С. Кинга «Оно».

И пусть ужасно выкрашенный Черничником дом принял меня только сегодня утром, но это правда – теперь я точно здесь живу!

– Вот как! – Сандер прищурился, но странноватая кривая улыбка никуда не исчезла. – Может, тогда знаешь, чей дом за этой колючей изгородью? Там точно кто-то живёт, однако они не желают с нами общаться.

– Раз не желают общаться, так зачем настаивать? – я задрала подбородок вверх, но вовсе не в жесте самоутверждения. Тамм шагнул ко мне, и чтобы продолжать смотреть ему в лицо, приходилось задирать голову.

– Тебя забыли спросить! – он вытянул руку и легонько, но обидно, щелкнул по носу. – Я хочу этот дом – великолепный образчик викторианской архитектуры, да ещё в таком живописном месте! Отреставрирую и стану приезжать на отдых, когда надоест город.

От возмущения я не нашлась, что ответить.

– А может, отделаю его и разрекламирую как элитный загородный отель в уединённом месте...

– Маловат он для загородного отеля! – заметила я.

– Ага! А ты откуда знаешь? – Тамм крепко ухватил меня за локоть и подтянул к себе, пытливо уставившись глазами-льдинками.

– Знаю! – я попыталась вырваться, но тонкие пальцы, с твёрдостью железа вцепились ещё сильнее, причиняя боль.

– Не дёргайся! – прошипел Тамм. – Отвечай, не то хуже будет!

Его лицо было так близко, что при желании я могла весьма болезненно боднуть его в нос. Однако, рядом оставался громила Пенни, которого не стоило сбрасывать со счетов. Страшно? Не хочу бояться! Надоело! Сегодня произошло столько странных невероятных событий, что мозг уже не знал, как реагировать. Вместо обычного страха на меня напало сумасшедшее веселье. Захотелось напирать этим двоим – за то, что я лишилась работы, что они протягивают руки на мою собственность, за то, что...

Видение-воспоминание накрыло, как всегда, неожиданно. Хриплое дыхание, руки, проникающие под платье, поглаживающие мою грудь, нежные пальцы, легонько сжимают сосок... «Моя милая... Не бойся, я не зайду дальше! Нам нельзя, знаю... Как же это мучительно!»

Сандер что-то почувствовал, его взгляд изменился, лицо дрогнуло на мгновение, а потом стало жестким.

– Слюни подбери! – процедил он. – Я в подворотнях не целуюсь!

И тут я его всё-таки боднула, безо всякого сожаления. У красавчика-Тамма реакция оказалась сверхъестественной, но мой лоб всё-таки успел ощутимо задеть его по челюсти.

– Пенни, нет!

Кто-то дернул меня назад от отступившего на шаг Сандера, потиравшего лицо после удара. – Не трогай её! Это всего лишь девчонка!

– Ну, вы сами наравались! – уперев руки в бока у ограды стояла Госпожа Пуговка. Волосы, полыхавшие пламенем осенних листьев, скручивались тугими спиральями. Тончайшую талию подчёркивал чёрный корсет. В голосе дрожала ярость:

– Мальчики, убирайтесь-ка отсюда, пока целы. С минуты на минуту придёт моя дочь – не хочу, чтобы она застала это безобразие. Кроме того, вы здесь лишь гости, причём незваные, а с хозяевами обращаетесь совершенно неподобающе.

Она гневно смерила взглядом сначала стоявшего в нерешительности, так и не отпустившего меня Пенни, а потом Сандера Тамма, застывшего с ошалелым выражением лица. Пронеслась крамольная мыслишка – наконец-то этого баловня хоть что-то смогло удивить и сбить спесь. Однако, я ошиблась. Похоже, его ничем не проймёшь!

– Гляди-ка, Пенни! Клоунесса тебе в пару! – протянул он. – Дамочка, идите туда, куда шли. Ничего тут интересного не происходит.

На лице Госпожи Пуговки не дрогнул ни один мускул – лишь потемневшие, как грозовое небо глаза выдавали новый градус ярости. Она резко что-то прошептала – я так и не успела разобрать – а потом щелкнула пальцами.

Откуда ни возьмись, налетел сильный ветер, оторвавший от меня Пенни и понёсший его и Тамма к большому чёрному джипу, припаркованному дальше у ограды. Странно, но я не чувствовала ни дуновения. Реальность ветра, вызванного Госпожой Пуговкой, подтверждали клубы пыли, несшиеся вслед мужчинам. Тамм уцепился за переднее крыло машины – его, явно весящего намного меньше телохранителя сносило сильнее. Наконец, изловчившись, он добрался до дверцы, открыл её и влез внутрь. Пенни, уселся на водительское место и джип тронулся, с каждой секундой набирая скорость.

– Он ещё вернется, это несомненно! – голос Госпожи пуговки слегка охрип. – Но каков нахал! Я не стану терпеть подобного даже от королей! Вольному народу они не указ, тем более отрекшиеся.

– О чем вы? – не поняла я.

Она поджала губы, делая вид, что не расслышала. Не хочет отвечать – не надо. Какие же всё-таки у меня странные соседи!

Остатки дымного костра, ветер унёс вместе с визитёрами – о нём напоминали только подпалины на дорожке, да пара обгорелых веточек, задержавшихся о камень на обочине.

– Идём-ка ко мне! – пригласила Госпожа Пуговка тоном, не терпящим возражений. Она не стала накидывать иллюзию – в округе было удивительно безлюдно.

Ходят легенды, о том, как даоин-ши появляются и исчезают меж одним взмахом ресниц – вот они перед тобой, но стоит моргнуть, как будто и не бывало. Сейчас произошло наоборот: только что округа была безлюдной, но стоило мне моргнуть, как прямо посреди улицы появилась невысокая хрупкая девушка с угольно-черными прямыми волосами, достававшими до плеч, одетая как школьница – темно-синяя юбка в складочку, до колен, белая блуза с кружевами у горла и на рукавах, и сверкающие красные лаковые туфли. Она подозрительно смотрела на меня. Даже издали её узкое личико с острым подбородком излучало недоверие.

– Доченька! – Госпожа Пуговка заулыбалась, не оборачиваясь. Создавалось впечатление, что у неё есть глаза на затылке. – Иди к нам! Это наша соседка Ариадна. Моя дочь, Лаковые Туфельки. – продолжала соседка безо всякого перехода. – Пойдёмте-ка пить чай – у меня давно всё готово!

Девушка сделала лишь шаг, но неизвестно каким образом оказалась рядом с нами. Вблизи ей можно было дать не больше пятнадцати. Она сильно кого-то напоминала – не чертами лица, а всем видом. Лишь спустя некоторое время я поняла – Уэнсдей, из серии фильмов о семейке Адамс: такое же бледное лицо, тёмные прямые волосы и тяжёлый взгляд. Мне стало как-то неуютно в её присутствии. Госпожа Пуговка ничего не замечала: взяв дочь под руку, она первой направилась к своей калитке.

Сама того не желая, отправилась за ними – может, получится узнать что-то? Соседский сад встретил меня ярко-желтыми листьями, срывавшимися с веток при самом слабом ветерке и совершавшими в его потоках длинный путь к земле. Заметно похолодало. Не ожидавшая такого быстрого перехода к глубокой осени, я остановилась, не зная, что и думать.

– Проходи за нами, дорогая! – поторопила Госпожа Пуговка, поднимаясь на крыльцо. – Мой сад называется Четыре сезона – в прошлый раз мы входили с летней стороны. На заднем дворе у нас всегда зима, а с запада цветет слива и миндаль. Если тебя так удручает осень, можем расположиться на южной террасе и станем любоваться бабочками, парящими над кустами индийской сирени.

В ответ я лишь развела руками:

– Как вам будет удобно!

– Тогда решено! – шелкнула пальцами Госпожа Пуговка. – Расположимся с летней стороны. Проходи в дом. Лаковые Туфельки покажет тебе дорогу на террасу.

– Лучше зовите меня Ларисой, – впервые подала голос дочь хозяйки. – Лаковые Туфельки – как-то по-детски. Мама упорно зовёт меня так...

– И буду продолжать! – откуда-то из дома отозвалась Госпожа Пуговка. – Нечего стыдиться своего имени! Эти ваши новомодные веяния... Игры с именами смертных все равно не сделают вас ближе к ним!

– Это не игры, – буркнула Лариса-Лаковые Туфельки. – Ты ведь не гнушаешься называться Лидией Дмитриевной, а она, – девушка качнула головой в мою сторону, – взяла имя смертной девушки!

Копия киношной Уэнсдей посмотрела на меня исподлобья.

– Ариадна родилась смертной, – снова за меня ответила невидимая Госпожа Пуговка. – Она приёмная дочь королевы... Ой! – её слова прервал звон разбитой посуды и возглас боли.

Мрачная дочь соседки сорвалась с места и во мгновение ока скрылась за дверью. Я тоже поспешила за нею. Госпожа Пуговка стояла посреди кухни над разбитой фарфоровой чашкой и потирала руку.

– Ничего, ничего, – повторяла она. – Всё в порядке.

Заметив меня, она виновато улыбнулась.

– Ты должна вспомнить сама. Нельзя рассказывать.

Я не стала расспрашивать, но слова «приёмная дочь королевы» прочно засели в мозгу, вызывая странные противоречивые чувства. Смутные картины помпезного здания, дворца, не иначе, огромное дерево под которым...

Рыжий весёлый мальчишка лет двенадцати, со слегка заострёнными кверху ушами бросал нефритовый кубик на расчерченный квадратами кусок ткани, расстеленный прямо на земле. Рядом с ним сидел его друг – задумчивый мальчик примерно тех же лет, со светлыми прозрачно-голубыми глазами и длинными белоснежными волосами, связанными чёрной лентой в хвост на затылке.

– Не бойся, Рада! Иди к нам! – весело позвал рыжеволосый. – Хочешь поиграть в «змеи и лестницы»?

– Не зови её! – тут же взвился блондин, казавшийся замерзшим из-за своей белёсой внешности. – Она всё испортит!

– Не говори ерунды, Одуванчик! Что она может испортить, сыграв с нами лишь разок?

– Сам будешь расхлёбывать, Лис! Я не буду играть с нею! Ты же знаешь, если берёшь кого-то в игру, то тебя с ним связывают нити судьбы.

– Глупости! Тем более мы уже связаны, если ты не понял! Как бы ни хотелось, судьбы братьев и сестёр свиваются. Так что, иди Ариадна, бросай кубик! Надо выкинуть шестёрку, ты уж постарайся.

Я беру зелёный тяжёленький кубик и хочу бросить, но тот, кого называли Одуванчиком, бьёт по руке. Кубик летит, ударяется о поле перекатывается несколько раз и замирает: шесть черных точек смотрят на меня слепыми глазами бездны.

– Она в игре! – весело провозглашает Лис. – С первого раза! Эх, Одуванчик, чую, обскачет она тебя – ты вечно срезаешься на «тщеславии»! А ты, Рада, давай кольцо, чтобы она стало твоей фишкой на поле.

– У меня нет кольца, – растерянно отвечаю. Мне страшно. В обществе этих двоих я часто испытываю страх и беспокойство. – Есть только серёжки, они как колечки.

– Годится! – рыжий протягивает руку за серёжкой, а блондин тем временем хватается за кубик. – Эй, Одуванчик! Ты же не хотел играть!

Вместо ответа, кубик из рук блондина летит на поле и, также как у меня, замирает шестёркой вверх.

– Надо же, как вы единокорны! – весело говорит Лис. Его улыбки я боюсь сильнее, чем порицания в глазах приёмной матери. К сожалению, она почти не сходит с его уст.

– Теперь мой ход! – ухмыляется рыжий. – Я уже выкинул шестёрку раньше вас!

– Что-то вспомнилось? – участливо просила Госпожа Пуговка. Её рука была наскоро перемотана самым банальным бинтом, из-под которого проступало изумрудное пятно зелёнки. Она ставила на большой серебряный поднос красивый пузатый чайник. – Ты замерла на полуслове.

– Э-э-э... – протянула я, не зная, стоит ли говорить про тот детский эпизод. – Да так, не знаю.

– Ладно-ладно, – быстро заговорила хозяйка. – Это твоё личное дело. Пойдёмте на террасу, как собирались. Лаковые Туфельки, помоги мне пожалуйста я порезалась осколком чашки.

Дочь подхватила поднос и скользящей походкой вышла из кухни. Я оглянулась на Госпожу Пуговку – та ободряюще улыбнулась и махнула рукой – иди-иди! Она взяла со стола вазочку с разноцветными рулетиками, в которых я узнала фруктовый лукум, и пошла за нами.

Двустворчатая стеклянная дверь, открывалась прямо в тёплый летний день. Хозяйка не обманула: рядом с мощёной глиняной плиткой террасой рос раскидистый куст индийской сирени, распространявший сладкий аромат. Над ним вилоь как минимум десяток ярких бабочек, величиной с мою ладонь.

Вокруг овального стола стояло три массивных ореховых стула с резными спинками. Лаковые Туфельки поставила поднос на стол и стала расставлять чашки.

– Я сегодня была у Алексы, – мимоходом обронила она.

– У кого? – удивилась Госпожа Пуговка.

– Ну, у русалки, Алексы.

– То-то я смотрю, канализацией потянуло!

Неожиданно для себя, я тоже учуяла легкий тошнотворный «аромат» протухшей рыбы.

– Это не та ли Алекса, что ещё пару дней назад Алёнкой была?

– Ну, мама! – протянула Лариса-Лаковые Туфельки. – Она не виновата, что её пруд в сточную канаву превратили! А канализационные стоки аж из города тянутся – можно попасть, куда хочешь.

– Чего ж она имя такое странное выбрала? Звалась бы Леной, на ваш манер, так нет – Алекса!

Дочка хозяйки потупилась, и я с удивлением разглядела проступивший на бледной коже едва различимый румянец.

– Она в стоках нашла журнал такой... В общем, там девушки разные... Под одной фотографией была подпись «модель Алекса». Алёнка быстро разобралась, что такие мужчинам нравятся, раз их в журнале печатают, вот и назвалась так – надо же ей как-то смертных завлекать.

– Ага, – кивнула Госпожа Пуговка. – Осталось только рыбацкую сеть на модное людское платье сменить и запах снулой рыбы вывести. Губы у неё и так раздутые, ну, а зелёными волосами сейчас никого не удивишь.

– Ничего ты не понимаешь! – вспыхнула дочь, но порыв быстро угас. Она помолчала немного, а потом тихо проямлила:

– Между прочим, Алекса видела, как старуха Мэлт-и-Нос, позавчера, пролетая над Чёрным Ручьем, обронила Звёздный камень! Тогда из-за неё вся Дикая Охота сделала кругов пять над нашим городом – старуха ругалась-ругалась, искала камень, да так и не нашла, а Алекса заметила, как он закатился в сток на центральной улице и провалился в катакомбы!

– Неужто он достался недалёкой русалке? – расстроилась Госпожа Пуговка. – Чует моё сердце, ждут нас нелёгкие времена.

– Нет, – покачала головой её дочь. – Камень подобрала Крысиная королева – Алекса видела. Чуть-чуть не успела по своим стокам туда добраться, хотя спешила, как могла.

– Надо бы камень этот спрятать, а ещё лучше, вернуть владелице. Только я эту Мэлт-и-Нос терпеть не могу – слишком уж у неё склочный характер⁴.

Они замолчали. Я не поняла ни единого слова из их разговора, поэтому сказала первое, что пришло в голову:

– А что за Звездный камень?

Мать и дочь воззрились на меня с одинаково удивлённым выражением на лицах. Наконец Госпожа Пуговка произнесла:

– Как же крепко ты всё забыла! Нет, никто не заставит меня отправляться по пути смертных через новое рождение! Словно чистый лист! И это Су... – тут она вздрогнула и опрокинула на себя чашку с горячим кофе, который Лаковые Туфельки уже успела налить из красивого кофейника. – Всё в порядке! – она махнула рукой в сторону дочери, выскочившей из-за стола. – У меня где-то была мазь с пылью фей, сейчас все пройдёт.

Она поспешно ушла в дом. Тут произошло новое чудо – Лаковые Туфельки лишь смахнула рукой со стола лужицу пролитого напитка, и она исчезла без следа. То же самое произошло с испорченным стулом. От лужицы на полу она избавилась, топнув ногой. Заметив мой ошарашенный взгляд, она скорчила кислую гримасу и села обратно за стол, заложив ногу на ногу.

– Чего ты уставилась? – проворчала она. – Можно подумать, сама так не умеешь!

Я молча покачала головой. Она хмыкнула:

– Просто забыла. Смотри, сделай вот так, – тонкие, словно паучьи лапки пальцы быстро сплелись в какую-то странную мудру, – и представь, что у тебя на ладони дыра, которая берет начало у Грани, а потом ведёшь над столом и собираешь крошки или любой другой мусор.

Я попробовала – безрезультатно. Внимательно наблюдавшая за моими действиями Лаковые Туфельки заметила:

– Ну, может, тебе и не дано. У истинных фейри это выходит спонтанно.

Вернулась Госпожа Пуговка – кожа на её многострадальных руках мягко поблескивала от мази в которую, похоже, добавили голубоватый глиттер.

– Секретничаете? – она покосилась на дочь, та картинно вздохнула и возвела глаза к небу. – Ты про камень не рассказала?

Лаковые туфельки вновь хмыкнула – видимо, похожую реакцию вызывало любое обращение к ней. Госпожа Пуговка, как ни в чём не бывало, продолжала:

– Звездным называют камень превращений, из-за того, что это осколок звезды, упавшей с неба. Точнее их несколько: известность приобрели два – тот, который Гвин ап Нудд⁵ подарил старухе Мэлт-и-Нос, чтобы она превращала тех, кого настигает Дикая Охота в красноухих гончих Аннуна, и тот, который как-то связан с пропавшим королем Альберихом. Судьба камня, как и самого короля Благого Двора не известна, а Звездный камень теперь затерялся где-то в мрачных зловонных глубинах, у Крысиной королевы.

⁴ Мэлт-и-Нос, в валлийской мифологии, также известная как Ночная Матильда, страшная старуха, разъезжающая с Дикой Охотой. По легенде, в молодости она была знатной госпожой и так любила охоту, что презрев запреты мужа, отправлялась туда, стоило ему покинуть дом. Однажды, в очередной раз послушавшись, преследуя дичь, она неудачно упала с лошади и сломала ногу. Так муж узнал, что жена его ослушалась и выгнал её из дому. Несчастная в одночасье лишилась крова и пропитания. Араун, пронесаясь по небу со своей сворой увидел её страдания, сжалился и забрал к себе в свиту. Так как изувеченной женщине сложно было скакать верхом, ей соорудили колесницу, на которой она и несется с грохотом и воем, подгоняя гончих и забирая души грешников, которые не достаточно нагрелили, чтобы попасть в ад, но и в рай их не пускают.

⁵ Предводитель Дикой охоты.

Я сидела, хлопая глазами и никак не могла постичь того, что она рассказывала. Ещё утром, старинные легенды и сказания оставались всего лишь сказками, придуманными людьми для развлечения и объяснения непонятных обывателям природных явлений. Теперь я повстречала синего человечка, который, оказывается живёт в моём унаследованном доме, самую настоящую фею, даже двух – Госпожу Пуговку и её дочь никак нельзя было назвать обыкновенными людьми даже с большой натяжкой! По её словам, легенды не врут – обитающие в них существа реальны. Ещё какой-то камень превращений приплели...

– Вообще-то звезды с неба не падают, – решила поумничать я. – Это метеориты! Кусочки камня или металла.

Госпожа Пуговка посмотрела на меня с жалостью, а Лаковые Туфельки презрительно хмыкнула в очередной раз.

– Смертные свято верят в это. Они не заметят волшебства, даже если пикси вскочит им прямо на нос и станцует вприсядку. Тебе зазорно брать с них пример!

Чувствуя, что ещё немного и мозг просто вскипит от непривычной информации, снова повторила про себя слова незабвенной Скарлетт О'Хара: я подумаю об этом завтра.

Госпожа Пуговка тем временем продолжала:

– Было бы неплохо предупредить Крысиную королеву об опасности – Алекса та ещё сплетница. Наверняка разболтает о камне, а если о нём узнает мой муж... Не поздоровится многим.

– Ваш муж? – мне стало неуютно от того, как она это произнесла.

– Его все зовут Господин Фьють, хотя у него есть другое имя...

В летнем саду, на который мы любовались с террасы, резко похолодало: на ярко-голубое небо набежало облако, а с яблони, росшей неподалёку, сорвался пожелтевший лист.

– Отец ни с кем не церемонится, – сказала Лаковые Туфельки, зябко поёжившись. – Даже со мной. С Крысиной королевой ему так просто не справиться, но если у него будет мотивация... Он со своей свитой перевернёт не только Черный Ручей, но и окрестные города.

– Ну-ну, не пугай гостью, – улыбнулась Госпожа Пуговка. – У каждого города свой хозяин – поверь, ими становятся не просто так. Фьють не настолько и грозен, иначе был бы хозяином не Черного Ручья а Петербурга или Казани.

Мне почему-то стало непосебе от её слов.

– Я наверно пойду, – голос прозвучал так неуверенно, что самой стало противно. – Надо ещё дом в порядок привести. На ужин что-нибудь купить.

– Приходи завтра в десять, – от доброжелательной улыбки Госпожи Пуговки стянувший горло тугой комок немного распустился. – И позволь подсказать: большинство домашних дел, таких как уборка, мойка посуды и заготовка продуктов, ты вполне можешь переложить на плечи Черничника. Ему поручено присматривать за тобой и домом – пусть исполняет! А то в последнее время совсем разленился – по несколько дней шляется неизвестно где. Хорошо ещё защита твоя ежевичная стоит – иначе двое из ларца, разномастные с лица уже давно бы твой дом к рукам прибрали.

Я с трудом поняла, что она говорит о Тамме и Лео Королёве. У того рыжего адвоката удивительные глаза – тёмно-синие, будто кожица чернослива, кажущиеся ещё темнее в сравнении с водянисто-голубыми зрачками Сандера Тамма. Волосы тоже необычные – ярко-рыжие, однако, не такого оттенка, как у Госпожи Пуговки. Глядя на них вспоминается солнечный луч, золотящий оранжевый лист, сорвавшийся с ветки клёна. Эти двое такие разные, как морозный полдень и утро самой середины лета. Однако, прекрасно ладят между собой.

Кого бы ты выбрала? – ненавижу этот противный голосок, иногда просыпающийся где-то внутри в самые неподходящие моменты и задающий неприятные вопросы. Никого из них! Ясно же, от обоих нужно держаться как можно дальше...

Перед внутренним взором вновь возник тот самый рыжий мальчишка, который звал играть в «змеи и лестницы», только теперь он протягивает мне нежно-розовый плод, который будто дышит в его руке. Такое впечатление производит тонкая полупрозрачная кожица, едва удерживающая налитую соком мякоть.

– Рада, попробуй! Это очень вкусно!

– Мама говорила, нельзя есть плоды из ночного сада!

– А кто тебе сказал, что это оттуда? – в тёмно-синих глазах прячется хитрая улыбка. Я знаю, ему верить ни в коем случае нельзя, но... – Какая ты зануда! – машет он другой рукой. – Смотри!

Розовая кожица плода лопается под острыми зубами, прозрачный сок течет по подбородку, но это не заботит сорванца – он мычит от удовольствия.

– Видишь? Ничего не случилось! У меня ещё есть. Это плоды ликии – крылатые феи устраивают за ними настоящую охоту, когда наступает пора созревания.

Он достаёт из кармана ещё один не менее соблазнительный плод. Довольная хитрая мордашка, перепачканная соком, едва не сияет.

– Ну же, попробуй! – он чуть ли не силой сунет мне в руки плод. Пахнет божественно. Я почти решаюсь откусить, но откуда-то из-за спины выныривает рука и выбивает плод. От удара о землю кожица лопнула, нежная розовая мякоть испачкала мостовую.

– Адди, не смей! Это же «плоды страсти»! Откуда они у тебя? – блондин, ещё один мой сводный брат, возмущённо смотрит на меня, а рыжий начинает смеяться. Сначала тихо, а потом всё громче и громче.

– Лис, это совсем не смешно! – от обиды блондин чуть не плачет. – От них может умереть даже даоин-ши, а Адди – смертная!

Рыжий сгибается от смеха. У него на глазах слёзы, а потёки от сока на подбородке становятся красными, напоминая кровь.

– Да ты сам их наелся! – ужасается брат. Позабыв обо мне, он подхватывает рыжего на руки и тащит куда-то: тот не может идти сам, содрогаясь всем телом от непрекращающегося хохота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.